

Кирилл Шатилов

ЗИМНЯЯ ЖАРА

Реальное фэнтези
— Том I —
Боец

Кирилл Шатилов

**Зимняя жара. Реальное
фэнтези – Том I – Боец**

«Издательские решения»

Шатилов К.

Зимняя жара. Реальное фэнтези – Том I – Боец / К. Шатилов —
«Издательские решения»,

Роман-сага «Зимняя жара» — независимое продолжение цикла «Многоликий странник» о жителях страны Торлон. Здесь нет ничего от привычного фэнтези: ни чудес, ни драконов, ни колдовства. Но это фэнтези в прямом смысле слова: Торлона нет и никогда не было, он рождён фантазией, однако при этом он не сказка, а быль, которую хочется увидеть, послушать, потрогать и даже взять на память. Этот мир окутала долгая зима. Когда-нибудь она закончится, но, как говорили встарь, тьма перед рассветом сгущается.

© Шатилов К.

© Издательские решения

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

44

Зимняя жара
Реальное фэнтези – Том I – Боец
Кирилл Шатилов

© Кирилл Шатилов, 2016

© Кирилл Шатилов, фотографии, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предыдущие книги цикла
МНОГОЛИКИЙ СТРАННИК:

«Торлон»

«Торлон. Война разгорается»

Из живой летописи Вайла'туна, собственноручно ведомой Скелли, главным писарем замка

3768-й день моей Службы

...Сегодня под вечер из Пограничья возвратился Локлан, сын Ракли. Вернулся он не один, а с пленной рыжей дикаркой и неведомым пришельцем, который называет себя Вилом, что-то постоянно лепечет на своем странном наречии, но почти не понимает ни языка вабонов, ни даже кенсяя. Удалось лишь разобрать его имя да имя той земли, откуда он будто бы прибыл – не то Антлия, не то Англия, не то как-то ещё. Вида он совсем нашего, но грязен, слаб и напуган. И это при том, что, по словам поймавшего его Локлана, пришелец сей странствовал по Пограничью с доспехами самого Дули, первого истинного героя Вайла'туна, несчётное число зим назад сгинувшего в Мертвом Болоте. Доспехи тотчас же забрал себе Ракли, но я надеюсь поутру увидеть их и удостовериться в их подлинности...

3777-й день моей Службы

...Утром пришла из Пограничья новая весть. Шеважа, эти смердящие дикари, познали тайну Огня и спалили заставу, ту самую, которую недавно посещал с проверкой Локлан. Пришла весть эта в лице чудом спасшегося подмастерья по имени Хейзит и нескольких уцелевших виггеров, сопровождавших его. Воистину было сказано, что радость ползёт на брюхе, а беда мчит на крыльях! Как бы я хотел, чтобы если уж кто явился, так кто-нибудь иной, а Хейзит этот пусть бы сгинул в пламени следом за отцом своим, строителем Хоканом! Так ведь он ещё исхитрился придумать какой-то способ получать камни, что давно у нас истощились, из простой глины. Придумал и Ракли им соблазнил. Да так умело, что тот отрягает ему теперь силфуров немерено на постройку пекарни, а меня вынудил ещё и верительными грамотами его снабдить. Тэвил да покарает их всех за скудомыслие и непотребства!..

3781-й день моей Службы

...Воистину нет конца тому, начало чего покрыто туманом! Кто бы мог подумать, что мой предтеча, бывший главный писарь замка, этот полудохлый старик Харлин, подобно своему юному дружку Хейзиту не только переживёт пожар в собственной лачуге, но и унесёт ноги в неизвестном мне пока направлении. Подозреваю, что свитки «Сид'э» он прихватил с собой. Как бы мне хотелось задушить его собственными руками! Ну да ничего, ничего, мои ищейки уже идут по следам и скоро будет уничтожен последний список...

3793-й день моей Службы

...Давеча сведущие люди мне донесли, будто бы шеважа осмелели настолько, что объявились с самыми серьёзными намерениями на окраине Пограничья и даже дерзнули открыто напасть на тун, коим верховодит этот пронёрливый карлик Тэрл. А примечательней всего то, что не успели они подпалить деревянные ворота, как на них с тыла обрушился никем доселе не виданный всадник и разметал дикарей что малых щенят. После чего так же таинственно скрылся в неизвестном направлении. Остаётся лишь гадать, откуда он и на чьей стороне...

3799-й день моей Службы

...Локлан сбежал! Говорят, последний раз его видели на торжестве у Томлина, доверенного ростовщика Ракли. Вместе с ним ушли несколько близких ему людей, включая рыжую дикарку, которую он явно облюбовал, чужеземца Вила и кое-кого из воинов. Обиднее всего, что пропала и Орелия, дочь его слуги Олака, в судьбе которой я принимал немалое участие и на которую имел свои виды. По слухам они дерзнули бросить вызов Бехеме и попытались переплыть её стремнину. Младенцы! Я буду рад, когда найдут их тела...

3809-й день моей Службы

...И первый день Зимы...

3813-й день моей Службы

...Сбылось то, на что я надеялся, но что даже не помышлял доверить этим страницам: Ракли поплатился за своё самомнение и свою гордыню. Сегодня после полудня доверенные люди Демвера Железного и Тивана схватили его и бросили в подземелье. Пусть пока там остынет. Теперь путь открыт, и никто не сможет помешать мне совершить задуманное. Осталось лишь покончить с Хейзитом и его глиняными камнями, которые не должны стать всеобщим достоянием и лишить нас многих выгод. Надо уничтожить его печь, а карьер засыпать...

3818-й день моей Службы

...Чудеса продолжают сбываться моими молитвами! Строительству печи будет не сегодня завтра положен конец под вполне простительным предлогом: не то из Пограничья, не то из верховьев Бехемы явились новые неведомые супостаты гигантского, говорят, роста и учинили на карьере резню. Нужно спасать незащищенных строителей. И Хейзита в том числе...

3820-й день моей Службы

...Хейзит сбежал из-под самого носа у Гийса, сына Демвера Железного. Ему помогли, иначе быть не может. Сдаётся мне, что сам Гийс, будь он неладен. Потому что они увели с собой и его. Прямо из таверны матери Хейзита. А её бывший воздыхатель, торговец оружием Ротрам, самолично встал на защиту и помешал свершиться правосудию. Надо будет при случае его призвать и прощупать. Если он окажется не торговцем, а торгашом, мне такой человек пригодится...

3824-й день моей Службы

...Вот уж воистину будет сказано: где убавится, там и прибавится! Я ждал, что с появления того самого Вила начнут происходить странные вещи, но кто бы мог подумать, что настолько! Следом за Вилом объявился неведомый всемогущий всадник, за ним – гиганты у карьера. Тем временем пропал Локлан, бежал Хейзит, исчез Гийс, а нынешним утром обнаружилось, что с совета в Обители Матерей так и не вернулся Сима, которого я в бодром здравии видел накануне. Только я получил эту тревожную весть, как выяснилась и другая пропавшая, куда как более важная, тем паче что двойная: из хранилища были похищены доспехи Дули и не пришёл на обычный с недавних пор ужин в тронной зале Демвер Железный. Связано ли одно с другим? Боюсь, что да, хотя пока не знаю, каким именно образом. Предателем Демвер точно не был. Разве что судьба сына тяготила его в последние дни...

3827-й день моей Службы

...Многое выяснилось, но ещё больше покрылось мраком. Сима нашёлся! И спас его от верной гибели не кто иной, как Гийс, сбежавший от Хейзита и его семейства. Оказалось, что они встретились где-то в коридорах подземелья и ушли вместе на окраину, к самому Пограничью. По словам Гийса, он видел труп отца. По словам Симы, таковым Демвера сделал сам Гийс. Я этого пока не могу до конца осознать, но очевидно, что мальчик вырастает в большую и опасную змею, которую проще пригреть, нежели поймать. Тэвил, дай мне силы довести задуманное до конца!..¹

День у Валбура не заладился с самого утра.

Стоило тащиться в такую даль, чтобы увидеть на рыночной площади кислую морду Минтела, местного торговца, которому Валбур ещё до первых холодов сбавил все свои корзины в надежде выручить за них хоть сколько-нибудь лишних силфуров² и в коем-то веке обзавестись приличным мечом. Сегодня он был вынужден убедиться в том, что корзины как лежали вдоль задней стены лавки, так и лежат, а сам Минтел по-прежнему поёт свою любимую песню:

– Плохо идут. Ручки крепкие. Все, кому нужно было, купили, а им и сносу нет. Предупреждал тебя, надо похуже было делать, чтобы отрывались или дно отваливалось. Теперь вот не берут совсем.

Валбур смотрел в вытаращенные глазки Минтела и еле сдерживался, чтобы не садануть ему кулаком по скошенному подбородку. Так бы и удавил на месте собственными руками. Разве ж можно делать для людей товар таким, чтобы его через день-другой выбрасывать? Что будет, если кузнецы станут так же к оружию своему относиться? Вышел на бой, махнул мечом – а в руке одна рукоятка осталась. Рваная корзина к смерти не приведет, да только в любом случае нерадивого плетельщика ждал бы сокрушительный удар по гордости и самолюбию. Минтел этого в толк взять никак не мог и, похоже, не пытался. У торгашей, как лишний раз мог убедиться Валбур, совесть всегда чиста. Хотя бы в силу того, что она у них напрочь отсутствует, проданная вместе с чужим товаром.

Стоило же ему пересчитать оставшиеся корзины и напомнить Минтелу, что забирал он три дюжины, а десятка уже не хватает, то есть, что неплохо было бы, однако, поделиться барышом, тот расхрабрился, наговорил ему в ответ кучу гадостей, сказал, что, мол, проданы они были за сущую мелочь, от которой до сего дня ничего не осталось, уйдя на текущие расходы, и на полном серьезе предложил возмущенному до последней крайности Валбуру, если он недоволен, забрать все оставшиеся плетёнки с глаз долой – пусть что хочет, то с ними и делает.

У Валбура давно был соблазн самому постоять на рынке да поторговать честь по чести плодами своих трудов, только вот ещё в давнюю пору он удосужился выяснить, что дело это непростое и весьма затратное. Сегодня он имел возможность в том лишний раз убедиться, покинув Минтела и найдя, не без труда, рыночного смотрителя. Тот прохаживался между рядов в сопровождении двух вооруженных охранников. Приближение не менее внушительной фигуры Валбура его явно напугало, но когда он смекнул, о чём разговор, речь его снова приобрела безразличный и надменный характер.

– С некоторых пор здешний постой подорожал, мил человек. Те цены, что ты называешь, давно уж удвоились, в лучшем случае.

– Что? Как это – удвоились? Почему?

¹ Подробности этих событий любознательный читатель может при желании почерпнуть из романов «Торлон» и «Торлон. Война разгорается» – <http://torlon.jimdo.com>

² Серебряная монета.

– Да кто же их знает! Удвоились и всё тут. Все так платят теперь. Не хочешь – не плати. Охотников предостаточно найдется.

– Это с каких же пор?

Смотритель что-то невнятно кинул ему насчет смены власти в замке и с независимым видом двинулся своей дорогой.

Валбур несолоно хлебавши вернулся к заветному прилавку и застал Минтела продающим одну из его корзин. Старушка осталась покупкой довольна и недоверчиво покосилась на широкоплечего богатыря, без стеснения взявшего продавца за грудки.

– Не продаются, говоришь!

– Случайно вот эту продал, – лепетал Минтел, тщетно пытаясь оторвать от ворота железные пальцы. – Один силфур, так и быть, уступлю за неё.

Валбур отпустил его, взял монетку, и потребовал ещё. Положение жалкого попрошайки приводило уважающего себя фолдита³ в ярость, однако он рассчитывал на причитавшиеся ему деньги, а выходило, что домой ему снова возвращаться порожняком. Не говоря уж о не купленном мече. Поэтому он вынужден был до конца выслушать отповедь вновь осмелевшего торговца, который заговорил о том, с чего когда-то начинал свои хитрые переговоры.

– Сам видишь, Валбур, очень слабо твой товар расходуется. Цену, если помнишь, ты устанавливал. Я её само собой придерживаюсь, не падаю и не отступаю.

– Понижай.

– Я понижу, ты уедешь, народ прознает, придет, захочет вдруг купить, тут бы цену и поднять, а я не могу, не пошлю же за тобой за тридцать земель, вот и окажемся мы в убытке.

– Откуда ж убытку взяться?

– А оттуда, что продать можно было выгоднее. Но это я так, мечтаю, знаешь ли. Ничего такого не будет. Вот увидишь. Если ещё ждать вздумает. Хотя на твоём месте я бы поступил куда как умнее, продав мне остатки оптом.

– Это по дешёвке что ли?

– Отчего же по дешёвке? Ты сколько корзин насчитал? Двадцать две? Вычтешь ещё одну. Итого двадцать одна. За тридцать силфуров готов забрать. Поди плохо! Договорились, разбежались и спим спокойно.

– Ты спать-то погоди, приятель, – проворчал Валбур, прикидывая в уме выгоду от такой сделки. Выгода была невелика, полмеча за такие деньги не купишь, но это всё ж таки лучше, чем вовсе пустой кошель, не считая одной случайной монеты. – За сороковник давай.

– Э-э, куда хватил! Такие деньги я за них сам ещё вряд ли выручу.

Сторговались, одним словом, на тридцати четырех. Валбур оставил без внимания протянутую для рукопожатия влажную руку Минтела и отправился, куда глаза глядят, лишь бы подальше от этого рассадника головных болей, завистливых мыслей и прочих недугов Малого Вайла'туна.

Вскоре выяснилось, что глаза его глядели в сторону ближайшей таверны, куда он никогда прежде не заходил, предпочитая отойти подальше да зато понадежнее – в таверну «У Старого Замка». Но та, как он знал, вот уже некоторое время закрыта по причине скоростного бегства прежних хозяев. Ввоо причине бегства хозяев. же некоторое время хаживал, предпочитая отойти подальше да зато понадежнее – в пошлю о всяком случае, так ему рассказывал приятель Йорл, который частенько вынужден был мотаться сюда с поручениями от аола⁴ Артаима и с которым они не раз сиживали там за хлебосольным столом радушной Гверны и её хорошенькой дочки, кажись, Веллы или вроде того. Толком о том, что же произошло «У Старого Замка», ни Йорл, ни кто из их знакомых не знал. По знал. ни кто из их знакомых говаривали,

³ Крестьянина

⁴ Старейшины деревни

будто у Хейзита, сына Гверны, лучшей стряпухи в округе, были слишком тесные отношения с беглым сыном бывшего властелина замка, Локланом. Отец последнего, Ракли, ещё до зимы оказался схваченным заговорщиками из военных кланов и не то казнен втихаря, не то брошен в темницу. Локлан же, не дожидаясь, когда и его настигнет кара за бездарное правление отца, скрылся в неизвестном направлении, и все поиски до сих пор ничего не дали. Теряясь в догадках, бездельники от нечего делать пустили слух, мол, он подался на тот берег грозной и многоводной Бехемы, хотя даже ребенок знает, что на такое может отважиться разве что полный сумасшедший или настоящий герой, подобный Адану. Но и Адан, переправляясь через Бехему, не избежал её безжалостных бурунов и погиб. Как бы то ни было, Валбуру оставалось лишь вспоминать обильные посиделки «У Старого Замка» и горевать из-за невозможности окунуться сейчас в знакомую, почти домашнюю, атмосферу.

Попавшаяся ему по пути таверна носила гордое название «Лихой воробей» и привлекала к себе внимание не только красивой резной вывеской при входе, изображавшей этого самого воробья с нагло ватно вздернутым клювом и коротеньким мечом под крылышком, но и задницами двух коней, привязанных здесь же, под ней. Кони уныло тыкались мордами в сугроб, ища недосыгаемую в эту пору траву, и раздраженно фыркали, нисколько не радуясь своим дорогим сбруям и красивым седлам. Сено из стоящей перед ними кадки они давно сжевали.

Покачав головой, Валбур толкнул плечом дверь и вошел в тепло избы.

Посетителей было немного. Правда, и такого обилия столов и лавок, которое он помнил по прежней таверне, здесь не наблюдалось. Три довольно грубо сколоченных стола возле двух окон справа да столько же слева – вот и вся нехитрая обстановка. Зато вместо лавок за каждым стояло по четыре отдельных стула со спинками. Валбур сразу смекнул, что посидеть здесь выйдет, вероятно, подороже, чем «У Старого Замка», однако он уже вошёл и обратил на себя внимание двоих длинноволосых эделей⁵, которых, судя по всему, и ждали привязанные на улице кони. Кроме того, его появление не осталось незамеченным компанией уже успевших выпить и развеселиться молодых особ обоёго пола, занимавших сразу два стола, которые они, пользуясь свободой, сдвинули торцами, и за которыми теперь слышались не столько голоса, сколько выкрики и потуги запеть что-нибудь разухабистое. Кто-то стал даже делать ему знаки, приглашая присоединиться.

Он стащил шубу с шапкой и сел у двери лицом к остальным посетителям, ожидая появления хозяйки.

– У нас для этого гвозди имеются, – сказала подошедшая к нему вскорости девица в почти чистом переднике и с ехидной ухмылкой на довольно красивом, хотя и несколько потасканном лице. – Пьём? Закусываем?

Валбур встал и набросил одежду на указанный гвоздь, торчавший из стены за его спиной. Сверху вниз посмотрел на собеседницу и ухмыльнулся. Рубаха на её груди имела не по-зимнему соблазнительный вырез чуть ли не до пупа, и в нем круглились приятные глазу формы.

– Закусываем.

– Кроку⁶ принести?

– Ну, так и быть, неси, хозяйка.

– Я не хозяйка, – с достоинством заявила девица и удалилась, повиливая не менее привлекательными выпуклостями.

Валбур выпивать не любил. Разве что за компанию с Йорлом, потому что не мог отказать другу, для которого трапеза вдали от дома всегда была неполной, если не пропустить кружку-другую. В туне⁷ же старика Артаима всякое крепкое питие не слишком приветствова-

⁵ Сокращенно он «эдельбурн» – представители местной знати, потомки благородных родов

⁶ Слабоалкогольный напиток, получаемый путем добавления вина в травяной настой и дальнейшей варки

⁷ В деревне

лось. Настоящий фолдит должен работать, а не горло полоскать, наставительно говаривал он. На памяти Валбура было два или три случая, когда Артаим прилюдно выпроваживал человека на все четыре стороны только за то, что тот позволял себе выпить и в таком состоянии устраивал кому-нибудь неприятности. Строгость нравов всем шла на пользу. Будучи в Вайла'туне, где некоторым удавалось неплохо жить, не трудясь, Валбур искренне удивлялся, как можно тратить время и деньги на доведения себя до непотребного состояния. В туне он занимался не только плетением корзин, но частенько одалживал свои крепкие руки кузнецу, помогал плотникам, ходил на промысел с охотниками, учил малышей грамоте, а иногда, под настроение, сочинял песни, которые потом сам же пел по какому-нибудь уместному случаю под собственное тренькание на дедовском карадоне⁸. Трудясь с утра и до ночи, он получал столько наслаждения от сознания своей нужности, что никакой крок даже в самой теплой компании не мог бы с этим сравниться.

Но после разговора с хитрым торговцем Валбур был слишком раздосадован, чтобы настаивать на своих принципах. Здесь его никто из знакомых не видел, а потому он охотно уступил предложению разносчицы и теперь ждал, когда ему принесут обещанное.

Тем временем в таверну вошли ещё четверо посетителей. Вероятно, завсегдатаи, мелькнуло в голове у Валбура, поскольку новоприбывшие не задержались в зале, где могли бы занять любой из двух свободных столов на стороне эделей, а напрямик, не раздеваясь, прошли в направлении кухни. Прошли так быстро, что никто не успел обратить на них должного внимания. Молодежь продолжала горланить, подбадривая парочку, которая слиплась в долгом поцелуе. Эдели как раз отвернулись к окну, и один из них указывал в нём на что-то второму.

И всё же Валбур заподозрил неладное. Уж слишком стремительны были их движения и слишком напряжены ссутулившиеся спины. В руке шедшего впереди он краем глаза заметил топор. Вероятно, поэтому раздавшиеся с кухни сдавленные крики не застали его врасплох. Кричала женщина. Не та, которую он ждал с кроком, потому что эта возникла в проходе, и рот ей зажимала широченная ладонь одного из незнакомец. Он толкал её перед собой в сторону выхода, свирепо вращая глазами и держа перед глубоким вырезом на рубахе короткий нож с широким лезвием. Его дружки по очереди появились следом. Третий перебросил через плечо увесистый мешок. Последний нёс мешок полегче, однако в него вцепилась обеими руками другая женщина, лицо которой было залито слезами и кровоточило из нескольких глубоких ссадин.

Валбуру приходилось слышать о налетах, которым последнее время иногда подвергались жители Большого, а иногда и Малого Вайла'туна, однако он и предположить не мог, что это происходит так просто и буднично. Вошли, заглянули к хозяевам, схватили, что было ценного, и восвояси.

Компания замерла, забыв про целующихся. Эдели привстали на местах, но явно не от желания вмешаться, и застыли, увидев направленные на себя острия двух коротких мечей.

Девушка в переднике с ужасом смотрела на Валбура. Сейчас её вытолкнут на улицу, а уж что будет дальше, это никому не известно. И уж точно он не дожждётся своего крока.

Оружия Валбур с собой не носил. Если бы он сегодня на вырученные деньги купил долгожданный меч, то едва ли с ним когда-нибудь расстался, но пока меча не предвиделось, ему оставалось полагаться разве что на силу своих кулаков.

Правда, когда насильник с девушкой поравнялись с его столом, кулаками он не воспользовался. И даже не встал. Просто пнул мужика ногой куда-то в область колена, повыше кожного сапога, благо у того была короткая шубейка. Не ожидая нападения, тот охнул и подломился, напоровшись на уже взлетающий снизу кулак. Успел ли он поранить прелести девушки, Вал-

⁸ Струнный музыкальный инструмент, напоминающий лютню

бур не разглядел, потому что второй грабитель проявил сообразительность и бросился вперед, намереваясь покончить с наглым заступником одним ударом меча. Ему помешал падающий мешком товарищ.

Проход между столами был довольно узким, так что противники даже при желании не могли накинуться на Валбура разом. Желания же хватило только у второго и третьего. Но второй был встречен тяжеленным стулом, который в руке Валбура описал дугу под потолком и раскололся о загривок нападавшего, а третий – опрокинут ещё через мгновение уцелевшей от стула ножкой, тычок которой пришелся ему точно под ребра.

Последний выронил мешок и машинально повернулся, чтобы обратиться в бегство, но споткнулся о продолжавшую вопить, теперь уже торжествующе, женщину и был схвачен пришедшими, наконец, в себя от неожиданности эделями.

На всё про всё ушло буквально несколько мгновений, так что Валбур даже не запыхался. Он пододвинул себе соседний уцелевший стул и сел почти в проходе, выжидательно глядя на то, как девица дрожащими руками подбирает с пола некогда угрожавший ей короткий нож и протягивает ему.

– Мой заказ всё ещё не готов? – поинтересовался он, шпыняя мыском ботинка начавшего было подниматься первого из громил. – Теперь уж я точно не уйду, пока не испробую твоего крока, красавица.

В таверне тем временем началось невообразимое. Протрезвевшие посетители во главе с избитой женщиной, оказавшейся настоящей хозяйкой «Лихого воробья», учинили над недоями достойную расправу, предварительно разбив им в кровь физиономии и связав по рукам и ногам чем попало, то есть скрученными в жгуты скатертями.

Один из эделей, седобородый, с такой же копной всё ещё выющихся волос, в бархатном камзоле густого синего цвета, пересеченном от левого плеча к правому бедру широкой золотой перевязью, на которой висели прекрасные изогнутые ножны из черной кожи с торчащей из них инкрустированной рукояткой, подошел к столу Валбура. Большие, слегка навывкате голубые глаза смотрели насмешливо, а морщины, избороздившие все лицо незнакомца, придавали его облику вид выразительный и вместе с тем почтенный.

– Вы неплохо потрудились, друг мой, – сказал эдель, без приглашения усаживаясь напротив немало смущенного таким откровенным проявлением фолдита и протягивая ему руку. – Меня зовут Ротрам. А как прикажете величать вас?

– Валбур... *vita*⁹ Ротрам. Рад, что вам понравилось.

– Не то слово! – рассмеялся необычный собеседник, с интересом разглядывая не столько нового знакомого, сколько его руку, которую он не спешил выпускать из своей. – Вы именно этим кулаком его уложили?

– Может, и этим, – неуверенно согласился Валбур, забирая руку и кивая разносчице, наконец-то принесшей вполне заслуженный крок. Подняв кружку, он вопросительно поглядел на Ротрама, ожидая, чтобы тот либо выкладывал, зачем пожаловал, либо уходил к себе за стол, откуда за ними с интересом наблюдал его приятель.

– Позвольте полюбопытствовать, – сказал Ротрам и пододвинул к себе трофейный кинжал, оставшийся лежать на столе, поскольку Валбур не решался вот так запросто его себе присвоить даже на правах победителя. – Хорошая работа, – добавил он, проводя по тыльной стороне лезвия пальцем и прищуриваясь. – Помнится, я когда-то торговал подобными. Берите, Валбур. Теперь он ваш по праву.

– Я знаю, – кивнул тот, по-прежнему не прикасаясь к оружию. – Пожалуй, я оставлю его этим женщинам, чтобы в другой раз им было чем защититься.

⁹ Вежливое обращение к собеседнику мужского пола, подчеркивающее уважительное отношение к его опытности и уму

Ответ фолдита ещё больше заинтересовал Ротрама. Он положил нож на стол и пододвинул к собеседнику.

– Такими вещами не стоит разбрасываться, друг мой. Вы ведь видите, что времена нынче наступают беспокойные.

– У вас тут – может, и не беспокойные. А там, откуда родом я, таких проходимцев исстари не водится. – Валбур кивнул на пленников, которых сейчас под руки выводили из таверны подоспевшие, наконец, виггеры¹⁰.

Разумеется, говоря так, он кривил душой. Иначе, зачем бы он мечтал о хорошем мече? Нет, дома тоже не все было так просто и радужно, как он хотел внушить навязчивому собеседнику. Шеважа¹¹ шалили, те же виггеры чем дальше от замка, тем сильнее распоясывались, да и обнищавшие в последнее время соседи представляли собой хоть и небольшую, но реальную опасность – зависть к ближнему ещё никто не отменял.

– В таком случае, – улыбнулся Ротрам, – позвольте поинтересоваться, где же вы тогда научились столь отменно драться?

Его вежливые манеры и обходительный тон не слишком нравились Валбуру. Он подозревал какой-то подвох, однако не мог вот так просто встать и уйти. Тем более что разносчица уже подавала на стол горячее, за которое, как сообщила ему благодарная хозяйка заведения, он ничего не должен. Развалистая картошка и филейная часть барашка под рябиновым соусом вприкуску с притомившимся в рассоле огурчиком наполняли Валбура трепетным предвкушением знакомства. А этот разодетый приставала всё не собирался возвращаться к себе за стол.

– Ешьте, ешьте, дорогой друг! Не обращайтесь на меня внимания. Вы заслуживаете сытного обеда. – Ротрам оглянулся через плечо на своего товарища, который в этот момент как раз отвернулся. – А пока вы едите, послушайте, что мне есть вам сказать. – Он снова завладел ножом и стал говорить, поворачивая его и так и сяк в длинных, холеных пальцах. – Видите ли, мне как раз нужны люди, вроде вас: честные и смелые, а главное – умеющие без раздумий дать отпор любому, невзирая на лица и их число. Мне нужны бойцы. Такие, как вы, Валбур. И я готов им хорошо платить. Обеды, подобные этому, и даже лучше, вы сможете получать у меня и впредь бесплатно. Кроме того, у вас будет постоянное денежное содержание. Всё, что от вас требуется взамен, это упражняться и участвовать в состязаниях. За победы вам будут платить отдельно.

Валбур почти поперхнулся, но успел запить барашка кроком. Он уже понял, кто перед ним.

– Вербуете для «крови героев»?

– А вы быстро соображаете, – хмыкнул Ротрам, машинально стряхивая со стола крошки. – Между прочим, перед вами сидит тот, кто придумал это название. Раньше они назывались...

– ... «бои за дружину». Я слышал.

– У меня нет слов! Вы настоящая находка. Так вы согласны?

– На что?

– Ну как же, – осёкся Ротрам. – Я же вам только что всё описал. Я приглашаю вас стать моим бойцом.

И он выжидательно замолчал, глядя на жующего собеседника.

– Заманчиво, – усмехнулся через некоторое время Валбур. – Меня будут бить, а вы мне за это будете платить?

– Нет, – голос Ротрама стал неожиданно жестким. – Если вас будут бить, такой боец мне не нужен. Тогда вы вернетесь к своим делам в вашем тихом местечке, а я буду думать,

¹⁰ Общее название воинов, обычно тех, которые носят доспехи

¹¹ Рыжеволосые дикари, населяющие лесное Пограничье

что ошибся. Хотя до сих пор я не ошибался. Вы ведь наверняка слышали о последней «крови героев»?

– Она же первая?

– Не совсем. – Нахмурившееся лицо Ротрама снова прояснилось. – Было ещё одно состязание, действительно, первое, но мы тогда решили не давать ему большой огласки. Так что в чем-то вы правы. Хорошо, пусть будет первая. До вашего туна дошли вести о том, что стало с победителем?

– А почему вы решили, что я живу в туне?

– На местного вы не похожи, – пожал плечами Ротрам. – Те, кто живут в торпах¹², обычно после рынка не задерживаются, а спешат воротиться домой. Остается то, что я и сказал. Не ошибся?

– И что же стало с победителем? – Валбур не заметил, как доел картошку.

– На полученный выигрыш он купил новый дом. Здесь недалеко, на канале. Поскольку он оказался виггером, его ждало повышение в чине. Теперь он командует полусотней.

– А такие разве есть?

– Теперь много чего есть, – хитро прищурился Ротрам. – Если в следующий раз победит фолдит, он, кроме денег, получит ещё и достойное место в замке. Не интересует?

Валбур почувствовал, что дольше уходить от ответа чревато. Вопрос задавался прямой. Нужно было говорить либо да, либо нет. Либо соглашаться на неожиданное предложение и надеяться, что тебя не обманут, либо распрощаться с давно позабытой мечтой, а заодно и с недостижимым пока мечом, который, если он захочет, мог бы быть похож на тот, что висит у собеседника на перевязи.

– Нет, – сказал он, – не интересует...

– Как знаете, друг мой, как знаете. – Ротрам оперся руками в стол и поднялся. Казалось, он был не слишком удивлен отказом. – Следующие состязания назначены на послезавтра. Будет время, загляните, полюбопытствуйте. Ожидается много занятного. Удачи.

Валбур хотел в последний момент что-то добавить, задержать собеседника, расспросить поподробнее, но тот уже раскланялся и с независимым видом вернулся к своему спутнику. Они посидели ещё некоторое время, расплатились и друг за другом вышли из таверны, по очереди кивнув ему, но ничего больше не сказав.

– Вам знакомы те эдели, что сидели вон там и только что ушли? – поинтересовался он у улыбающейся ему теперь по поводу и без повода разносчицы.

– Разве вы не говорили с одним из них?

Она остановилась возле стола, вытирая руки передником. При этом грудь её находилась в непосредственной близости от носа Валбура.

– Говорить-то говорил, да только не слишком понял.

– Меня, кстати, Нидой звать.

– А я Валбур.

– Рада знакомству, Валбур. – Женщина отпустила передник и теперь разглаживала его. – О чем вы бишь спросили?

– Кто будет этот Ротрам? Ты его раньше встречала?

– Видно, что вы из дальних мест к нам пожаловали. Ротрама, почитай, все знают. Торговец он. Богатый. Оружием торгует. Говорят, в замок вхож. А он вам что, работу предлагал?

– А ты почём знаешь?

– Не знаю, догадываюсь. Вы тут такой тарарам устроили, вита Валбур! – Он почувствовал коленом прикосновение её упругого бедра. Теперь запах пережитого страха смешивался в ней

¹² На хуторах

с ароматом скрытого желания. – Я слышала, Ротрам сейчас бойцов для состязаний ищет, вот и подумала.

– Экая ты всезнающая! А мне до сих пор казалось, что в Вайла’туне слухи частенько и затеряться могут. Не то, что у нас, в глуши, где все про всех знают.

– Куда там! Да и потом зря мы что ли рядом с рынком стоим? Сюда кто только ни захаживает. – Передник больше не разглаживался, зато под ним обозначился приятно округлый живот. – Так вы согласились?

– На что? А, на работу? Нет, я просто так никогда стараюсь не драться.

– Вы спасли меня.

– На моем месте так поступил бы всякий.

– Всякие языки поприкусывали и в одно место себе засунули, – поморщилась Нида. – А вы этих вон как отделали!

– И что, частенько такие нападения тут у вас случаются?

– Да что вы! Первый раз жуть такая! Обнаглели в конце. Среди бела дня уже заваливают. Кое-что мы, конечно, слышали, но, как видите, никакой даже охраной не обзавелись. Хотя подумывали. Не хотите, кстати, с моей хозяйкой об этом потолковать? Ах да, вы ведь не любите драться! – Она заговорчески улыбнулась. – А что вы ещё не любите делать?

– Зиму не люблю, – честно признался Валбур и попытался отогнать прочь возникшее где-то глубоко внутри чувство вожделья.

Разносчица Нида ему, конечно, нравилась, но он уж слишком быстро раскис от её близости, чего прежде с ним в присутствии женщины далеко не писаной красоты и не совсем первой молодости не бывало. Видать, подзасиделся он в своем туне, отвык от того, что люди всякие бывают, а особенно отвык от соблазнов, которые дарит отдаленность дома, пусть и пустого. Потому что жил он в своей на совесть построенной избе бобылем вот уже которую зиму и ничего лучшего для себя не искал. Была у него когда-то не жена, а так, добрая знакомая, юная и ласковая, но только давно уже схоронил он её и с тех пор не помышлял ни о чем серьезном – то некогда было, то не из кого выбрать, а теперь как будто и ни к чему – к старости дорожка покатила.

Когда он упомянул про свой возраст Нида, та недоверчиво на него глянула и хохотнула:

– Это сколько же зим вам намело, вита Валбур?

– Да вот сорок пятую доживаю. А тебе сколько? – поинтересовался он из вежливости, подозревая, что ответ будет уклончивый или изрядно заниженный.

– Скоро тридцать.

– Быть того не может! Я бы тебе не дал.

От силы двадцать девять, усмехнулся он про себя. Когда-то её ровесницы казались ему самому утерявшими привлекательность женщинами, а вот теперь он искренне готов назвать её девушкой и не прочь поддаться её откровенным заигрываниям.

– Нида! – окликнула разносчицу хозяйка. – Удели время и другим гостям.

Пока Валбур отвлекался за разговором, в таверну вошли новые посетители и сели за соседний стол. Нида вздохнула и перешла к ним, продолжая поглядывать на своего спасителя, как бы говоря: «Только не уходи, я сейчас с ними разберусь, и мы продолжим». Когда она скрылась на кухне, он встал, накинул на плечи шубу, прихватил шапку и решительно вышел на улицу.

Если бы не утренняя разборка с обманщиком Минтелом, у Валбура сейчас было бы другое настроение. Такое, что он наверняка бы не стал отказываться от заманчивого во всех отношениях предложения насчет «крови героев», и уж тем более не спешил бы расстаться с приглянувшейся ему девицей, явно готовой свести с ним тесную дружбу. Но все пошло наперекосяк, а раз так, то до самого вечера можно было расслабиться и не переживать – ничего хорошего

все равно не получится. Так уж у него на роду было написано. Если с утра не задалось, весь день насмарку.

Правда, кое-чему он сейчас мог порадоваться. К примеру, что вполне сыт, притом, что в кисете на шее силфуров от этого нисколько не поубавилось. Есть на дармовшинку с непривычки оказалось весьма вкусно. А тридцать четыре монеты обладали приятной тяжестью и были всё же лучше, чем ничего. Может быть, передоговориться с другим торговцем? Свет клином на Минтеле не сошелся. Как там мать учила? Не клади яйца в одну корзину? Надо будет эту мысль при случае как следует обдумать. Интересно, а сколько можно получить за бой в «крови героев»? Стоило спросить у этого... как его... Ротрама, полагается ли награда проигравшему. Вряд ли, конечно. Тогда бы все, кто победней, только драками бы и занимались. А туда, похоже, не каждого допускают...

Валбур обнаружил, что снова оказался при входе на рыночную площадь.

Утренняя суета заметно спала, теперь всё и вся двигалось неспешно и важно, если не считать вечно неугомонных мальчишек, снующих под ногами и предлагающих мелкие услуги. Они бегали стайками, редко по одному, приветливо улыбались знакомым и незнакомым и при первом же окрике бросались врассыпную. Мужчины, как правило, не обращали на них никакого внимания, женщины побаивались и поругивали.

– Могу показать вам хорошее место для ночлега, керл¹³, – услышал Валбур у себя прямо под рукой.

На него тарачил большущие голубые глаза крохотный мальчуган в драной шубейке и грязном платке вместо шапки. При этом он ковырял в носу розовым от мороза пальцем, удобно торчавшим через прореху в варежке.

– Лучшего места все равно не найдете. Так что, идём?

Приятно, конечно, когда тебя называют «керлом», только с чего он взял, будто ему нужен ночлег? Иногда Валбур, действительно, оставался, конечно, не в Малом, но в Большом Вайла'туне на ночь, если обустройство брал на себя вездесущий Йорл, однако сегодня он намеревался отправиться домой с началом сумерек, когда будет готов другой его приятель, Фирчар, на чьей телеге он сюда, собственно, утром и добрался.

– Ступай, малец. Палец, смотри, не отморозь.

– Не пожалеете. Идемте. Потом будет, что вспомнить?

Вспомнить? Он издевается что ли? Ростом с собаку, а все туда же...

– Тебя как зовут приятель?

Видя, что собеседник не гонит его, а даже интересуется именем, мальчонка поправил съехавший на глаза платок и прищурился.

– Том.

– Вот и послушай, Том, что я тебе скажу...

– Пошли, потом скажете.

– Мне не нужна здесь ночевка, приятель. Я скоро уезжаю.

– А сестру мою зовут Фелла.

– Сестру? – Валбур огляделся. – При чем здесь сестра?

– Она очень красивая и вам наверняка понравится.

Ну, вот теперь наконец стало проясняться, о чем идет речь. Из огня да в полымя. Только что была разносчица Нида, а теперь какая-то Фелла. Что за день такой!

– Ступай, – повторил он твёрже.

Том вздохнул, пожал плечами и уже как будто собрался и в самом деле убраться восвояси, когда щеки его вспыхнули, большие глаза захлопали ресницами, и он крепко ухватил Валбура за рукав.

¹³ Керл – вежливое обращение к зажиточному мужчине вообще, будь то торговец, ремесленник или крестьянин

– Вон она! Смотрите, сама сюда идет!

Валбур машинально посмотрел в том направлении, куда указывал розовый пальчик и увидел торопливо приближающуюся к ним невысокую, но ладную девушку в короткой шубейке, в обтягивающих стройные ноги меховых штанишках и изрядно обтрепанных, совсем не зимних сапогах, ходить в которых можно было разве что здесь, по притоптанному множеством ног снегу. Она была с непокрытой головой, и длинные пряди роскошных, почти рыжих волос удивительно красиво обрамляли сосредоточенное, если не сказать напряженное, лицо, каких Валбур нигде ещё не встречал, разве что во сне. Твердый подбородок с ямочкой, поджатые от волнения губы, широкие скулы, бледные, отчего только ярче проступал легкий румянец, не то от солнца, не то от быстрой ходьбы, прямой нос с нежными ноздрями, до которых так и хотелось дотронуться, такие же большие и синие, как у Тома глаза, и поразительно изящный разлет темных бровей, придававших всему её облику неуловимую пронзительность.

Не доходя нескольких шагов, девушка остановилась и молча погрозила Тому пальцем. Варежек на ней не было.

– Это так ты покупаешь редьку, лепешки и крок? – поинтересовалась она, по-прежнему обращая внимание только на брата, который продолжал тянуть Валбура за рукав.

– Фелла!

– Идем сейчас же домой! И если выяснится, что ты потерял те деньги, что я тебе дала...

Валбур хотел было вмешаться и хотя бы заговорить, чтобы девушка увидела его, но никак не мог найти подходящих слов. Он просто смотрел на неё, боясь предугадать, что будет дальше.

– Не терял я твоих денег, – решительно заявил Том. – И ещё нашел вот этого керла, которому нужно где-нибудь переночевать.

Фелла как будто только сейчас заметила Валбура и бросила исподлобья быстрый взгляд, словно туча приоткрылась на мгновение и обнажила синее небо.

– Не слушайте его. Он любит приставать к посторонним.

Голос был негромким, но он слышал только его. И свой, запинаящийся и почти чужой:

– Ничего страшного... я в самом деле... я искал... хотел где-нибудь переночевать...

Он заметил глаза Тома, смеющиеся, хитрые, будто спрашивающие: ну, что я говорил?

По небу побежали облака – девушка переводила взгляд с незнакомца на брата и снова на незнакомца, который сейчас почему-то больше смахивал на праздничного медведя на привязи.

Разница между тем, что Валбур поначалу подумал, и тем, что увидел воочию, был столь громадна, что самому себе он сейчас виделся эдаким несуразным жуком, которых заваливается на спину, машет лапками, трещит крылышками и никак не может перевернуться. Самое подходящее время, чтобы его придавить...

– Том, ты забыл, что сегодня вечером у нас гости? – сказала девушка, останавливая строгий взгляд на брате. – И перестань рыться в носу.

– Мои сопли: что хочу, то и делаю.

– Том!

– Фелла!

Она, вероятно, хотела бы схватить брата за руку и увести подальше, однако присутствие постороннего мешало ей это сделать, и потому до сих пор этот странный разговор не заканчивался ничем. Валбур тоже терялся, хотя поначалу точно знал, что просто оттолкнет Тома и пойдет своей дорогой. Сейчас же он безмолвно молился, чтобы мальчишка не отпускал его рукав подольше, а лучше – никогда. Теперь он понимал, зачем поругался утром с Минтелом, зачем забрел сюда, зачем дал отпор налетчикам, не согласился на предложение Ротрама и поспешил расстаться с Нидой – всё ради этой неловкой встречи. И если ему в итоге откажут...

Фелла рассмеялась. Зубы у неё были красивые, белые, правда, один боковой слева чуть кривоват и слегка торчал вперед, но Валбуру он показался долгожданным изъяном, который тем красноречивее подчеркивает совершенство всего остального.

– Вам нужен ночлег? – спросила она, дыша на озябшие пальцы.

– Да, но... – Он уже больше не знал, что именно ему нужно, кроме этих крыл, распахнутых над двумя синими колодцами.

– Мы иногда пускаем на постой, но только на одну ночь и только за деньги.

– Разумеется...

– Сегодня мы принимаем гостей, так что рано спать лечь не придется, – добавила девушка.

– Я понимаю...

– Ну, мое дело предупредить. Решайте сами.

– Я согласен...

Нет, кажется, он сдержался и не закричал от радости. Только заметил, как ручонка мальчугана разжалась, и он снова был свободен идти на все четыре стороны. Но уже не хотел. Лишь бы она не передумала.

– Как тебя зовут, керл? – наконец-то поинтересовался Том, косясь на сестру.

– Валбур.

– Пошли к нам, Валбур! Тебе у нас понравится. А гости – это здорово!

Гости как раз совсем ни к чему, подумал он, лаская взглядом пышные пряди, за цвет которых в другом месте, да хотя бы у него в туне, могли бы и побить. Однако она явно ничего не боялась и спокойно ждала, что он скажет.

– Пойдем. Только мне нужно предупредить приятеля.

Нехорошо получится, если Фирчару придется его ждать весь вечер, а он так и не придет. Ещё будет переживать, как бы с ним чего ни случилось. Знал бы он...

– Где деньги, Том? – Девушка подошла к брату и осторожно взяла его за кончик носа. Даже на зимнем воздухе Валбур почувствовал исходивший от неё дурманящий аромат, какого ему не приходилось ощущать ни с одной женщиной. – Давай сюда, я сама все, что нужно, куплю.

– Отпусти! В носу у меня их точно нет. Пусти, гадкая!

– Если хотите, я сразу могу расплатиться, – спохватился Валбур, вспоминая по заветный кисет.

Фелла остановила его порыв легким взмахом руки. Том стащил с головы платок и высыпал ей в ладонь несколько монет, припрятанный в складках. Она пересчитала их, кивнула Валбуру и по-прежнему невозмутимо отправилась прочь.

Неужели никто не видит, кто мимо них идет, поражался он, провожая взглядом её упругую фигурку и подмечая малейшие действия идущих ей навстречу мужчин. Либо они видели её тут каждый день, либо она только ему показалась неземным существом, однако же все просто спешили по своим делам, не обращая на неё никакого внимания.

– Пошли наш дом покажу, – напомнил о себе Том.

– Сколько ей зим? – стараясь скрыть смущение, поинтересовался Валбур, когда они оставили рыночную площадь позади и оказались на узкой дороге, петляющей между изб вдоль канала.

– Я же говорил! – торжествующе припрыгнул Тон и даже оставил на мгновение в покое нос.

– Что ты говорил?

– Что она тебе понравится. Она всем нравится.

Уточнение было излишним. Валбур помрачнел.

– Если не хочешь, можешь не отвечать.

– Вечером ей будет столько, сколько мне и ещё раз мне.

– Не понял... тебе-то сколько?

Том стряхнул с рук обе варежки и гордо показал пальцы, загнув при этом один мизинец.

– Вот сколько!

– Девять, значит? А сестренке твоей, выходит, восемнадцать... Думал, она постарше.

Погоди, а почему вечером?

Том зажмурился от удовольствия и показал на своих сверстников, которые в этот самый момент с криком и воплями скатывались с отвесного противоположного берега на санках.

– Я так тоже умею. Только мои санки сломались. Ну, то есть они сперва сломались, а потом их упёрли.

– Ты не ответил. У неё что, сегодня день рождения?

– Ну ясное дело. Иначе откуда бы у нас тогда были гости?

Валбур остановился.

– Погоди-ка погоди... Ей же нужно подарок тогда какой-нибудь купить. Пошли-ка обратно, поможешь выбрать.

– Помочь-то я завсегда, – ещё больше оживился Том, – только какой ей подарок?

– Разве у вас не принято делать подарки?

– Ещё как принято! Мне вон на прошлый день рождения Фелла вона какие варежки подарила.

– С дыркой?

– Чего? Да нет, дырку я сам нечаянно сделал.

– А что ты ей подаришь?

– Тебя.

Левая бровь у Валбура сама собой полезла на лоб.

– Меня?!

– Не бойтесь, она не откажется.

– Откажется?

Том закатил глаза, всем своим видом показывая, что устал объяснять совершенно очевидные вещи. Между тем его спутник остановился и явно не хотел двигаться дальше, пока не получит развернутого ответа. Пришлось Тому набираться терпения и рассказывать, что именно он имел в виду.

– Фелла любит говорить, что лучший подарок для женщины, это деньги. На них она сама сможет потом купить всё, что ей вздумается. Ну вот, а вы заплатите за ночлег, она пойдет на рынок и выберет себе какую-нибудь очередную ерунду.

– Может, ты догадываешься, что она выберет? Тогда мы с тобой могли бы купить это прямо сейчас.

– А у вас так много силфуров?

– А она у тебя что, хочет купить лошадь?

– Нет, – усмехнулся Том, – лошадь нам не купить, даже если ты до следующей зимы у нас жить будешь. Она одежду всякую покупать любит.

– А сама без шапки и с голыми руками ходит?

– Варежки у неё украли, красивые, теплые, – вздохнул Том, разглядывая свои. – А шапку она мне отдала. Я её потерял. Теперь вот платок её же носить вынужден.

– Похоже, не густо у вас с деньгами, – заметил Валбур, по-отечески кладя мальчугану руку на плечо и подталкивая веред, вернее, назад, в сторону рынка. – Чем она у тебя занимается?

– Мужчин развлекает. Ой, мне больно!

– Извини. – Валбур не заметил, как стиснул худенькое плечо. – Как ты сказал?

– Что я сказал?

– Что она делает...

– Ну, она ведь красавица, если ты, конечно, заметил, – как ни в чем не бывало, ответил карапуз, широко распахивая глаза. – Так что когда она поет или танцует, мужчины охотно её слушают и платят. А ты что подумал? – Он хитро прикусил губу.

– Ничего не подумал, – соврал Валбур. – Иди давай. Развлекает, понимаешь...

Вернувшись на площадь, они прошлись по лоткам, где торговали одеждой, и Том бдительно следил за тем, чтобы не столкнуться с сестрой. Валбур на свой вкус купил вязаные варежки и такую же шапку со схожим узором, чтобы смотрелось как одно целое. Сперва он думал выторговать шапку на меху, но тогда бы ему точно не хватило денег. А так ещё больше десяти силфуров осталось.

– Ну, идем, – сказал он, пряча подарки за пазуху.

Тома нигде не было.

Тэвил! Куда мог запропасться этот мальчишка? Только что стоял ведь здесь и канючил, что было бы неплохо заглянуть на обратном пути в лавку кондитера и прикупить сладких палочек, которые Фелла так любит.

– Вы не заметили, куда пошел мальчик, который рядом со мной стоял? – спросил он первым делом лотошницу, которая сторговала ему гостинцы и должна была видеть, что творится у него за спиной.

Она странно посмотрела на него, пожала плечами и уже хотела было что-то ответить, как из многолюдья прямо под ноги Валбуру вынырнула маленькая девочка, ухватила его за ногу чуть повыше колена и, задрав мышинное личико, пискнула:

– Тома бьют.

– Где?

Он устремился за ней через людской поток, судорожно прикидывая в голове, что же могло случиться. Стоит ли говорить, что когда недавно ему пришлось расправляться с вооруженными налетчиками, волновался он гораздо меньше.

Девочка-мышонок привела его в дальний угол площади, где начинались безлюдные закоулки. Молча показав в один из них, она боязливо попятилась. Валбур выругался, проверил, все ли на месте за пазухой, и торопливо шагнул в сумрак теснящихся изб.

За углом явственно слышались сердитые крики и яростные вопли.

– Эй, что это вы там затеяли? – как можно громче, но так, чтобы голос не сорвался, сказал Валбур, выходя в проулок и останавливаясь в нескольких шагах от группы из четырех весьма сердитого вида мужиков, судя по одежде, торговцев, которые занимались тем, что перебрасывали друг другу едва держащегося на ногах, но не прекращающего орать Тома. В сторонке стояло ещё несколько пареньков постарше его, только было непонятно, хотят ли они вызволить его, просто любопытствуют или заодно с палачами. – Оставьте его в покое.

Тот, что как раз держал жертву за шиворот, сплюнул сквозь дырку в зубе и разжал пальцы. Том обезсилено повалился на снег под ноги обидчикам. Второй ошутимо пнул его мыском сапога под ребра и тоже повернулся к Валбуру.

Радовало только то, что ни у кого из четверых, похоже, не было оружия. А если и было запрятано где-то под шубой, они не спешили им воспользоваться, прикидывая силы неожиданного заступника и оценивая свои шансы как предпочтительные.

Валбур двинулся на них, медленно, чтобы не опережать события, но решительно. Он был не из тех, кто делает первый шаг, чтобы не сделать второго. При этом, как настоящий фолдит, он успевал заранее подумать о третьем и четвертом.

– За что бьете?

– Ворует, – ответил все тот же, с дыркой, вероятно, главарь.

– А бить зачем?

– Чтобы вернул.

- Что украл?
 - А тебе-то что?
 - Интересуюсь.
 - Ничего я не крал! – вскинул голову Том. – Брешут гады!
- За что получил новый пинок в поддых и заскулил.

Валбуру очень четко представилось бледное и испуганное лицо Феллы, когда она увидит разбитую физиономию брата, да ещё в свой день рождения. С таким подарочком лучше в гости не являться вовсе.

Он напрямик направился к тому, кто ударил Тома последним, и без размаха, с опущенных рук, нанес точный правый крюк в хрустнувшую скулу. Мужик повалился навзничь с удивленно открытыми глазами и застрявшим где-то в глотке возмущенным стоном.

Остальные трое среагировали быстрее, чем можно было ожидать. Видимо, драться им тоже было не впервой. Тот, что оказался ближе остальных, махнул кулаком, целясь Валбуру в голову. Пригнувшись и пропустив свистящую тяжесть над самой макушкой, Валбур выгнулся и от живота нанес все той же правой рукой удар раскрытой ладонью, чтобы не повредить кулак, точно в подбородок. К счастью, нападавший не успел ничего крикнуть, потому что иначе откусил бы себе язык. А так просто запрокинулся и ушел головой в соседний сугроб.

Краем глаза Валбур заметил, что у главаря в руке все-таки сверкнуло нечто, напоминающее нож. Присматриваться он не стал, да и времени не было. Третий противник уже наваливался на него сзади с явным намерением сковать руки и подмять под себя. Силы он и, правда, оказался недюжинной, однако осмотрительностью не отличался.

Что можно сделать с человеком, который хватает тебя со спины обеими руками и хочет повалить? Его можно лягнуть в колено каблуком и попробовать стряхнуть пока сам ни потерял равновесия. Равновесие Валбур потерял, но лягнуть успел. Падали они на бок, а потому он исхитрился выставить локоть и в последний момент неплохо придавил им горло противника. Недостаточно для того, чтобы вывести из строя, но вполне достаточно, чтобы тот разжал хват. Нападавший с ножом, обрадованный падением врага, допустил непростительную ошибку, подскочив для добивающего тычка лезвием слишком близко. Судя по всему, он рассчитывал полоснуть Валбура по шее. Не вставая с земли и громко пукнув от напряжения, тот вскинул ему навстречу обе ноги: левой отбил нож в сторону, а правой пнул каблуком прямо в морщинистый лоб.

Когда он поднялся, разгоряченный дракой и готовый, если нужно, продолжить, то увидел, как Том, расхрабрившись и забыв про свои недавние мученья, в ярости топчет того, кто был повержен первым. Наблюдавшая за происходившим ребятня отошла подальше.

– Брось его, слышь, пойдем, – сказал Валбур и ещё раз запустил себе руку за пазуху. – Лежачих не бьют.

– Он про это не знал, – огрызнулся Том и что было сил лягнул между ног того, кто попытался вылезти из сугроба. – На тебе!

– Пошли, говорю.

Том не успокоился, пока не наподдал каждому из своих обидчиков, причем метил он точно в самые уязвимые места. Валбур сгреб его в охапку и понёс прочь. Том ухитрился при этом погрозить присмирившим мальчишкам кулаком.

Оказавшись снова среди толпы, Валбур стряхнул Тома на землю, поставил перед собой и присел на корточки. Голубоглазая мордаха была в ссадинах, но не настолько сильных и заметных, как он опасался. Вероятно, основные удары пришлись по телу.

– Воровал? – спросил Валбур, поправляя съехавший на затылок платок.

– Конечно. Два раза. Они только про один знают. Иначе вообще убили бы.

– Тэвил, Том! На кой ляд тебе такая зараза! Что воровать нельзя, об это я тебе рассказывать не буду. Но ты ведь теперь видишь, что за это бывает. О сестре подумал?

– О ней и думал как раз. – Том стёр варежкой кровь из дрожащей ноздри. – Улмар сам её обворовал однажды. Все деньги отобрал. Думает, если он фра’ниман¹⁴, то ему все можно...

– Это который из них? – насутился Валбур, чувствуя, что вляпался в нехорошую историю.

– Последний. У которого ножик был.

– Понятно. И он, конечно, прекрасно знает, где вы с сестрой живете?

– Не, не знает. А то бы давно нагрязнул. Не боись, дядя.

– Да я и не боюсь. Просто как же он мог у Феллы деньги, как ты говоришь, отобрать, если не знает, где она живет?

– Очень просто. – Они уже снова шли через площадь в сторону канала. – Её пригласили как-то песни попеть к одному эделю, а этот Улмар её там подстерег и, когда она выходила, обчистил до нитки. Заявил, мол, что нужно делиться. А он-то тут при чём? Она же у замка ничего не брала и ничего ему не должна. Ну вот. Так что я просто отомстил.

– Хорошо же ты отомстил. Если бы не я, тебя могли запросто прибить.

– Здорово ты их! Мой батька тоже умел драться. И я буду драться, когда подрасту чуток. Ты меня научишь?

– А что с твоим отцом стало?

– Ничего не стало. На заставе погиб. Сгорел, говорят. Ещё зима не началась. Теперь вот мы с Феллой одни кукуем. И я должен её защищать.

– Смотри, как бы тебе её не дозащищаться, – усмехнулся Валбур и потрепал паренька по макушке. – А что за ребята там стояли? Дружки твои или наоборот?

– Наоборот.

– А вообще друзья у тебя есть?

– Конечно. – Том вспомнил про нос и самозабвенно углубился в него пальцем. – Ты.

Валбур не нашелся, что ответить. Скорость, с которой сегодня развивались события, сбивала его с толку. Причем приятности и неприятности сыпались вперемежку, так что было не понять, радоваться происходящему или огорчаться. В любом случае нужно быть начеку. Тут тебе не тун, в котором знаешь каждый закоулок благо их там раз-два да и обчелся. Вайла’тун – дело совсем другое. Вот и сейчас они идут как будто прежней дорогой, а ни одной избы не узнать.

– Где канал-то? – напомнил он. – Мы не заблудились ненароком?

– Неа, правильно идем, не боись. Я нас обходным путем веду. Так подольше будет, зато ни сестра, ни кто другой нам не попадет. А ты тут что, ничегошеньки не знаешь что ли?

– Знаю, – соврал Валбур, на всякий случай оглядываясь. Погони не было. – Ничего не болит?

– Все болит, – признался Том, однако ухмылка на его мордашке не выглядела вымученной. – Тебя б так уделали. Ты вовремя подросел. Откуда узнал, где я?

– Меня девочка какая-то привела. Её и благодари.

– А, это, наверное, Санка была.

– Санка?

– Ну да. Мелкая такая совсем?

– На мышку похожа.

– Санка. Влюбилась в меня, вот и бегаёт по пятам.

Валбур присвистнул.

– А за что в тебя влюбиться можно?

– Это уж девчонкам виднее, – гордо заявил Том и даже попытался взглянуть на улыбающегося спутника свысока. – Придется Санку в следующий раз поцеловать.

¹⁴ Сборщик податей

– Эко далеко у вас зашло, однако!

– Не, мала она ещё, – со знанием дела помотал головой Том. – Я на ней разве что зим через так десять женюсь.

– Ну, дело наживное. А у твоей сестры, у Феллы, ну... это... есть кто-нибудь?

– Бывает.

– Бывает? – вздрогнул Валбур, будто ожидал другого ответа. Надеялся, конечно, но рассчитывать на то, что живущая одна девушка в восемнадцать зим обходит стороной мужчин, которые не могут не липнуть к ней, было бы, по меньшей мере, несерьезно. – И часто?

– Да нет. – Том равнодушно махнул рукой. – Она никого не любит.

– Так уж и никого.

– Точно говорю. Ну, разве что меня, наверное. Но так ведь я ей брат как-никак. А так нет, она у меня не из этих, как там бишь... не из хорет.

– Хорен¹⁵, – поправил Валбур и поморщился от слова, которое совсем недавно казалось ему весьма привлекательным.

– Тебе виднее.

– Не дерзи.

– Не держу. Нет, нам не туда.

Валбур в задумчивости прошел мимо очередного поворота. Пришлось возвращаться. Сворачивая за угол, он заметил вывеску, раскачивающуюся над входом – «У Старого замка». Вывеска была пробита стрелой, так в ней и застрявшей. Не узнать её было невозможно.

– Сиживал я тут, – заметил он, заглядывая по пути в темные окна. – Не знаешь, хозяева скоро вернуться?

– А кто ж их знает? Давненько уже нет. Говорят, в Пограничье подались, к дикарям.

– Мало ли чего говорят. С какой стати им к дикарям идти, подумай своей головой. Смерть ищут?

– Лучше вы сами потом Феллу расспросите, если интересно. Она хозяйкину дочку знала. У них даже имена были похожи: Фелла и Велла. Но Фелла нравится мне больше.

– Мне тоже, – согласился Валбур.

Бывая здесь прежде, он никогда не предполагал, что канал находится где-то рядом. Собственно, до канала и в самом деле отсюда было довольно далеко. Но Том шел вперед с таким невозмутимым и уверенным видом, что оспаривать его решения даже как-то не хотелось. Он явно знал, что делает, петляя между избами и сбивая со следа возможных преследователей. Разумеется, если тот, с дыркой в зубе, был настоящим фра'ниманом, ему при желании не составит большого труда навести справки и выяснить, где живет Том и его сестра. Правда, почему-то он до сих пор этого не сделал, ну да, быть может, просто руки не доходили. Как бы то ни было, на месте Тома и его сестры Валбур хотя бы на время скрылся из дома и переждал хотя бы несколько дней, пока ни улягутся страсти. Он сказал об этом вслух, но Том только посмеялся.

– Вы его так уделали, что он ещё долго помнить будет. Не сунется. Вообще-то его надо было бы вообще убить, но и так сойдет, думаю.

– Бить людей не хорошо, а убивать – тем более.

– Так то людей. – Том подобрал что-то с земли и сунул за пазуху. – А разве этот Улмар и его дружки люди? Если бы у меня был лук, я бы их всех перестрелял.

– Что там у тебя?

– Где?

– За пазухой.

– Ничего.

¹⁵ Женщин легкого поведения

Валбур не стал настаивать на досмотре. Мальчуган имел право на собственные секреты. Да и какое вообще он, Валбур, имеет право вмешиваться в их устоявшуюся жизнь? Придёт, познакомится поближе, подарит гостинцы, переночует, заплатит за постой и отправится своей дорогой.

Наконец, они вышли к каналу, причем, как будто в том же самом месте, что и прежде. Если только одинаковая детвора с санками ни облепила сплошь все берега.

– Далеко ещё?

– А вы чего, устали?

– Темнеет уже.

– На то и зима, чтобы рано темнело, – рассудительно заметил Том.

Завтрашний день обещал быть ещё более морозным: солнце скатывалось в розовые перья облаков.

– Как думаешь, сестра уже дома? – поинтересовался Валбур, с каждым шагом все слабее представляя себе, куда идет, а главное – зачем.

– Ясное дело – дома. Может, уже с гостями.

– А что за гости намечаются?

– Да всякие.

– Много?

– Это как сказать. От нас тут через три избы виггер один богатый поселился недавно. Тоже недавно день рождения справлял. Так к нему столько народу съехалось, я думал, в дом не поместятся.

– Уж не тот ли, что в состязании победил? – вспомнил Валбур свой недавний разговор с Ротрамом.

– Не знаю, где он там победил, но шумели они до утра, – ухмыльнулся Том.

– Так у сестры твоей столько же гостей намечается?

– Да нет, человек пять-шесть, я думаю. Не больше. Больше мы не прокормим. А ты любишь в гости ходить?

– Смотря к кому. Слушай, а может, нам еды нужно было прикупить?

– Нет, Фелла обо всем позаботится. Ты уж не думай, что мы прям такие из себя бедные. – Том шмыгнул носом. – Совсем не бедные. При отце, оно, конечно, лучше жилось, но я этого почти не помню. Фелла рассказывала. Он давно на заставу ушел. Я его и видел-то всего пару раз.

– А мать куда делась?

Том пожал плечами, и впервые в его взгляде проскользнула грусть. Валбур, который сам рос почти без родителей, никогда не считал разговоры на эту тему чем-то запретным, однако прекратил расспросы, жалея память малыша.

– Покажешь дом, где поселился тот виггер?

– Мы его только что прошли. А вон впереди – наш.

Валбур все-таки оглянулся. Изба была большая, двухэтажная с красивым коньком на покатой крыше и высокой печной трубой, из которой сейчас поднимался белый дым. Что ж, командующему полусотней положено...

– Куда вы запропастились? – услышал он знакомый женский голос, вздрогнул и заметил, как Том радостно припустил вперед.

Фелла стояла на крыльце маленькой уютной избушки, какие строили в Вайла'туне давным-давно, когда ещё не были приняты все эти заборы с калитками, отделявшими дома от общей улицы. Это теперь большинство вабонов предпочитали селиться подальше от дороги и разбивали перед домами целые сады. В случае с обиталищем Тома все было наоборот: изба, в которую мог постучать и зайти любой прохожий, сад – позади, куда можно было попасть через второй, внутренний вход, только пройдя через весь дом.

Валбур предполагал, что брат поспешит рассказать сестре о случившейся с ним передряге, однако Том не проронил по этому поводу ни слова и всю вину за опоздание свалил на смущенного спутника, мол, его было за уши не оттащить от рынка.

Пришлось Валбуру в свое оправдание пошарить за пазухой и протянуть девушке обновки. Она сперва не поняла, пропустила гостя в узкие сени, а когда тот снова повернулся к ней, укоризненно посмотрела исподлобья, назвала брата «вымогателем» и хотела было отделаться обычной благодарностью, однако Валбур сам не заметил, как осмелел, и попросил её примерить подарки.

– Теплая, – сказала она, натянув шапочку и продев в варежку правую руку.

– Вам очень идет, – откашлялся фолдит.

– Тебе идет, – подтвердил Том и похлопал сестру по бедру. – Теперь не будешь свой платок назад клянчить.

– Что же вы стоите? Проходите в дом, – оживилась Фелла, пряча улыбку. – Гости уже в сборе и ждут только вас.

– Да я... – начал Валбур.

Его бы воля, он прямо с порога откланялся бы и убежал, тем более что ему так и не довелось встретиться с Фирчаром, чтобы предупредить его о вынужденной задержке с отъездом. Все откладывал напоследок, но с этой дракой и поспешным уходом от погони он совсем позабыл о договоренности. Получится неудобно. Хорошо бы Фирчар не стал его ждать. Он сам давеча предупреждал Валбура, что если тот вздумает остаться, он, Фирчар, по любому отправится в обратный путь с первыми признаками захода, то есть, сейчас он, наверное, уже далеко от Стреляных Стен.

Фелла прошла в комнату следом за братом, так и не сняв подаренной шапочки, чтобы увидели остальные гости. Те сидели за накрытым столом, оживленно переговаривались и совершенно не чувствовали себя покинутыми. Так бывает лишь тогда, когда приглашающий не просто собирает у себя под крышей всех тех, кого знает, а тщательно заведомо отбирает тех, кто хорошо знаком друг с другом и кому будет приятно в складывающейся кампании.

Валбур успел оставить верхнюю одежду в сенях и теперь неловко переминался с ноги на ногу, не зная, куда сесть и с чего начать.

– Сюда ещё пускают? – спросили сзади, и в открывшуюся на улицу дверь заглянуло чем-то знакомое Валбуру лицо мужчины с близко посаженными глазами и длинными, красиво расчесанными волосами.

– Биртон! – оглянулась Фелла и протиснулась мимо зазевавшегося Валбура обратно в сени. – Заходи скорее! Не выстужай тепло.

– А я не один, – радостно сообщил Биртон, отступая и подталкивая вперед того, кто до сих пор прятался за дверью: ещё одного мужчину, в котором Валбур к величайшему своему удивлению безошибочно узнал торговца с рынка, запавшего ему в память тем, что предлагал наиболее желанный для него товар – клинки самых разных размеров и мастей. Однажды этот торговец даже наведлся к Валбуру во сне и подарил, да-да, не продал, а именно подарил замечательный кинжал, такой внушительный и красивый, что его можно было принять за настоящий меч. – Мой друг – Кендр. – Представил Биртон. – Твой отчаянный поклонник да и просто отчаянный парень. Прошу любить и жаловать.

Торговец вежливо поклонился Фелле, дружески улыбнулся Валбуру, потрепал по бело-брысым волосам вернувшегося от стола Тома и скромно остановился у двери, ожидая, когда все остальные пройдут в комнату.

– А я вас, похоже, знаю, – сказал Биртон, пожимая протянутую руку Валбура. – Фелла, я и не предполагал, что вы знакомы!

– Это я их познакомил, – уточнил Том, ухватил эделя за палец и потащил за собой с явным намерением посекретничать.

Валбур имел все основания предположить, что сейчас он в лицах пересказывает недавнюю драку. Во всяком случае, к столу они подсади последними: Том загадочно улыбался, а Биртон украдкой поглядывал на фолдита и задумчиво качал головой, будто продолжал сам с собой молча разговаривать.

Фелла суетилась, переставляя с низенькой глиняной печи на стол всякие горячие вкусности. Ей помогала глазастая полная девушка с тугой косой, красиво обвивавшей голову. Как скоро узнал Валбур, девушку звали Эша, и она была здесь вместе со своим мужем, Буллоном, богатырского телосложения свером¹⁶, бородатым и спокойным, какими бывают уверенные в себе люди.

Валбур предпочел бы встретить за столом больше подруг хозяйки, однако, кроме Эши и самой Феллы, среди приглашенных была только одна гостья, очень бледная и очень молчаливая особа по имени Дэлсин, пришедшая в сопровождении двух братьев, Смирла и Пента. Обоих девушек такое положение явно радовало, они чувствовали на себе постоянное внимание бодрящихся и подшучивающих по поводу и без повода мужчин, тем более что Дэлсин добровольно отказывалась использовать свои женские чары. Она сидела между братьями, улыбалась в тарелку и односложно отвечала лишь на заданные лично ей вопросы. У неё были длинные черные волосы и странноватый взгляд, придававший её лицу какое-то ускользающее, не совсем здоровое выражение. Если бы не оно, девушку можно было бы назвать красивой, подумал Валбур и переключился на изучение её братьев. Судя по одежде, они тоже были не из простого семейства, как и никто за этим столом, кроме, разумеется, его самого, обыкновенного фолдита, всю дорогу сюда наивно предполагавшего, будто встретит в гостях у такой красавицы, как Фелла, себе подобных.

Поначалу, как водится, все только и говорили, что о хозяйке, нахваливая её стряпню, действительно, весьма вкусную, поздравляя с рождением, вслух завидуя Тому, что у него такая сестра, вспоминая, при каких обстоятельствах с ней познакомились, и вынуждая девушку снова и снова благодарить за подарки.

У фолдитов последнее было не принято. Конечно, вязаная шапочка и варежки не шли в сравнение с дорогой железной посудой, преподнесенной братьями и Дэлсин, или с очень красивым и явно не дешевым браслетом, который прямо через стол протянул ей Кендр, или с яркими цветами в глиняных горшках, чудом возникших среди зимы по воле Буллона и Эши. Однако даже если бы Валбур подарил ей ту меховую шапку, к которой приценивался, он никогда бы не смог набраться наглости и заставить Феллу признать свою щедрость. Здесь же это было в порядке вещей. Разумеется, Фелла обращала благодарности в шутки, все смеялись, подначивая друг друга, Том то и дело толкал Валбура под столом ногой, но ощущение неловкости не проходило.

Постепенно разговор стал распадаться. Буллон заспорил с Кендром о преимуществах оплеток на рукоятках мечей по сравнению с железными «накипиями», Эша восторженно слушала оживившуюся Дэлсин, сообщавшую о скорой свадьбе какого-то Кадмона и никому здесь не симпатичной Аноры, а Пент и Смирл на все лады доказывали имениннице, что предстоящий эфен'мот¹⁷ у некоего Гийса – именно то место, куда ей во что бы то ни стало нужно попасть, если она хочет по-настоящему подзаработать.

¹⁶ Сверы – тяжелая пехота, вооруженная, как правило, арбалетами. Тяжесть возникала за счет почти сплошных металлических доспехов, делавших воина одновременно и неуязвимым для стрел врага, и опасно неповоротливым при рукопашной. Поэтому в лесных сражениях при каждом *свере* находилось по несколько помощников (*филтумов*), вооруженных длинными мечами или копьями. Тактика боя заключалась в том, чтобы предоставить возможность *сверу*, пользуясь прикрытием лат, выпустить как можно больше стрел в противника, прежде чем тот окажется в непосредственной близости. Тогда в дело вступали более подвижные помощники, в зависимости от обстоятельств дававшие *сверу* необходимое время либо для перезарядки арбалета, либо для отстегивания сковывающих движение доспехов, либо для отступления.

¹⁷ Вечеринка, которую по поводу и без устраивают эдели

– Вы не передумали? – поинтересовался Биртон у Валбура и на правах хозяина подлил ему в кружку остывшего крока.

– Насчет чего? – изобразил тот непонимание. Сейчас его куда больше интересовало, что ответит на предложение братьев Фелла.

– Я про «кровь героев». Том мне тут кое-что рассказал. Если соединить его рассказ с тем, что я видел своими глазами, я соглашусь с моим другом Ротрамом: вы теряете время.

– Я в гостях...

– Я не об этом. Вы прекрасно меня понимаете. Видели, в каком доме живет победитель?

– Кажется, видел.

– А ведь вы с вашим умением могли бы в честном бою с ним справиться.

– Зачем?

– Чтобы стать лучшим!

– Зачем?

– Деньги, слава, почёт! Не знаю, что Ротрам успел вам рассказать, но мы вместе с ним занимаемся поиском и отбором бойцов, и могу вас заверить, что у этих состязаний большое будущее.

– Рад за вас. – Валбур подхватил вилкой из общего блюда и отправил в рот кубик твердого сыра. Фелла уже что-то ответила, и теперь все смеялись. – Я не дерусь за деньги.

– И никто не дерется, – согласился Биртон. – Деньги – приятное приложение к славе. Мне почему-то кажется, что вы не до конца понимаете, что вам предлагают.

– Может, и не до конца, но достаточно, чтобы отказаться.

– Разумеется, вас никто не неволит. Просто очень жаль. – Биртон передал Тому сладкий крендель, блюдо с которыми Фелла специально отставила подальше от брата. – А позвольте вас спросить, вы надолго в наши края?

– Том пригласил на день рождения, – лукавил Валбур. – Завтра уеду.

– И далеко?

– Домой.

Биртон откровенно допытывается, где я живу, подумал он. Что ж, пусть гадают. Ещё не хватало, чтобы они с этим Ротрамом завалились к нему в гости и опозорили на весь тун. Валбур-боец! Да у нас там что ни фолдит, то руками махать умеет совсем не хуже него. Здесь, видать, не знают, что иногда между тунами устраиваются свои состязания, и те, кто сильнее да позадиристей выходят биться на кулаках до первой крови либо до сдачи. Летом, когда трудиться приходится от зари до зари, не до того, а вот зимой часто бывает нечего делать, ну и договариваются аолы, где на сей раз праздник мужицкой удали справить. Чаще всего к ним приходят, благо их тун самым большим считается, да и расположен удачно – на равном удалении от остальных. Раньше он единственным был, где фолдиты за чертой Большого Вайла'туна селились, а теперь тунов подобных ему на пальцах обеих рук не счесть, но что и говорить – первенство по-прежнему за ними. Правда, последний раз, ещё до появления в их краях обнаглевших шеважа, они встречались с туном Тэрла, ловкого карлика, который уже давно сам в драках не участвовал. Так Валбуру пришлось потягаться силами со Струном, его помощником, и этот Струн побил его почти как мальчишку, после чего выяснилось, что они-таки проиграли гостям по сумме всех боев. Конечно, в том не только его вина, многие тогда маху дали, но он то поражение запомнил и теперь мечтал встретиться со Струном повторно, чтобы поквитаться, но тут началась катавасия с дикарями, и стало не до выяснения, кто сильнее. Так что если кому сказать, что его прочат в бойцы да ещё предлагают на этом поднабрать денег и славы, свои засмеют. И будут правы. Помнится, ещё старики насчет давнишних «боев за дружину», на смену которым и пришла нынешняя «кровь героев», говаривали, что не гоже фолдитам там состязаться. Их и так за дураков держат, а если они ещё и своё мастерство в ратном деле перед посторонними обнаружат, ну, тогда пропадай пропадом надежда на воль-

ную житуху. Сейчас, похоже, многое как раз и решается. Замок после недавней смены власти ишь как лихорадит. Того и гляди скоро вразнос пойдем всем миром. Нет, если фолдитам есть что притаить, лучше не высовываться. Поддерживая разговор с Биртоном, Валбур краем глаза поглядывал на Феллу. Она сидела во главе стола, как положено имениннице, но со стороны печи, как положено радушной хозяйки, и то и дело отвлекалась, пока не выставила на стол последнее из заготовленных блюд. Теперь она отдыхала, явно наслаждаясь веселой беседой с Эшей, сидевшей справа от неё, и обоими братьями Дэлсин. На ней была просторная домо-тканая рубаха с вышивкой, чем-то напоминавшей ту, что украшала подаренные им варежки и шапку. Рубашку на узкой талии перехватывал красивый наборный пояс, вероятно, тоже чей-то подарок. Волосы при свете лучин утеряти подозрительную рыжину и стали просто золотистыми. Она собрала их на макушке в пышный хвост, а над ушами – во множество мелких косичек, как последнее время стало любимым занятием маленьких девочек. Ей подобная прическа очень шла, и Валбур подумал, что уже само пребывание здесь, под этой крышей в этот вечер делает его счастливым человеком. Даже попытки Кендра обратить на себя её внимание не всегда уместными, но зато весьма громкими шутками, не могли испортить ему настроение.

– Песню! – хлопнул в ладоши Буллон. – Мы хотим песню!

Валбур невольно вздрогнул. Обычно в подобных случаях все собравшиеся обращались к нему, подбадривая и подначивая взять дедовский карадон. Откуда они узнали, мелькнула мысль, но он сразу же спохватился, вспомнив слова Тома. Петь предстояло хозяйке.

Фелла для порядка поотнекивалась, поломалась, заставляя отдельные восклицанья постепенно перерасти в общий гул предвкушения, наконец, сделала знак брату, и тот охотно полез за соседнюю занавеску выуживать инструмент. Им оказались небольшого размера линги¹⁸, об игре на которых Валбур тоже имел некоторое представление. Линги считались древнее карадона, и когда-то им даже приписывались сказочные возможности. Во всяком случае, считалось, что в старину песни о героях складывались именно под них. Со временем почему-то их уступили женщинам, а мужским к инструментам теперь относили исключительно карадон и зун'тру¹⁹.

Фелла привычным движением положила линги на плотно сжатые колени, посерьезнела и обвела присутствующих вопрошающим взглядом, от которого у Валбура по спине пробежали сладостные мурашки. Линги выглядели совсем не старыми, на крышке были изображены черные извивающиеся стебли терновника, а звук, сопровождавший плавные прикосновения к струнам тонких пальцев, ласкал приятной глубиной и тягучестью.

Валбур с интересом наблюдал за приготовлениями. Обычно в таких случаях женщины брали в обе руки по щипку, костяному или деревянному, чтобы не портить ногти и упрощать себе игру. Фелла щипками явно пренебрегала. Она трогала все шестнадцать струн твердыми подушечками пальцев, привычных к этому непростому упражнению, причем иногда сразу несколько, чего, разумеется, нельзя было проделать щипками, и получала непривычные, но очень приятные переливы, будто в комнате двое, а то и трое лингов, послушных её тайным желаниям.

Кендр не преминул восхититься первыми аккордами, однако его никто не поддержал: друзья Феллы прекрасно знали, чего ожидать, и, затаив дыхание, предвкушали скорое удовольствие.

*В краю лесов, в краю долин
Горит костер листвы осенней,
И крики сов, как зов былин,*

¹⁸ Гусли

¹⁹ Подобие волынки

Томят простор нестройным пеньем.

*Душа в груди болит сомнением...
Прощай мой журавлиный клин!*

Голос у певуни оказался таким же прекрасным, как и она сама: негромкий, бархатистый, с едва уловимой хрипотцой, гармонизировавшей с глубиной струнных вибраций.

Валбур снова ощутил холодное прикосновение мурашек. Он не знал слов этой песни и был немало поражен их странным сочетанием, совсем не походившим на те простые строки и рифмы, к которым привык с детства. Ему подумалось, что Фелла сама приложила к ним руку. Захотелось спросить об этом кого-нибудь, кто знал наверняка, но он не смел нарушить сосредоточенное внимание слушателей.

*...Я помню день, я помню час,
Когда за клином журавлиным
Взлетел мой дух, и свет угас,
И мрак растекся по долинам.*

*Ночь заструилась шлейфом длинным.
Не стало птиц, не стало нас...*

– Как грустно! – вздохнула Дэлсин. – Но это одна из моих любимых песен. Она мне как будто что-то напоминает, чего никогда не было.

– Или то, что будет, – поддержал сестру Смирл.

– Вы сами её сочинили? – не выдержал Валбур и заглянул в широко открытые глаза под журавлиным разлетом темных бровей.

– Как вы догадались? – улыбнулась Фелла, накрывая все ещё дрожащие струны ладонью. – Вы много песен знаете?

– Случается, я тоже напеваю, – признался он, только сейчас замечая, что они за столом не одни. – Редко... плохо... совсем не так, как вы. Но этой песни я не слышал.

– Может быть, вы тоже нам споете? – обрадовалась Эша.

– Этим я бы выказал неуважение к хозяйке, – в легком ужасе возразил Валбур.

– Отчего же? – Фелла протянула ему линги. – Спойте. Вы выручите меня. Иначе они вынудят меня развлекать их весь вечер в одиночку.

Инструмент был слишком легким для него. Щипки торчали из специальной прорези в боку. Похоже, их никогда прежде не вынимали. Валбур извлек один и осторожно провел по струнам. Линги ответили послушным перезвоном.

– Я играю одной рукой, – словно извиняясь, предупредил Валбур.

Он снова посмотрел на Феллу и увидел на её губах улыбку. Она ждала. Они все ждали.

*Лиадран ты моя Лиадран!
Как же так нас с тобой разлучили?
Кто погиб от полученных ран?
Кони ржали, копытами били...*

Валбур сам не понял, почему запел именно эту песню. К веселому дню рождения она подходила ничуть не лучше, чем та, которую исполнила Фелла. Вероятно, настроение заразно. Правда, он попытался спеть её не как прощальную, а как героическую, на подъеме:

*...Лиадран ты моя Лиадран!
Мы оправимся скоро от ран.
Нам откроются дальние дали,
И утешатся наши печали...*

Кое-что ему, видимо, удалось, потому что слушатели встретили последний долгий аккорд хлопанием в ладоши, улыбками и просьбами продолжать. Валбур подмигнул Тому и затаил, осторожно постукивая в такт по гладкому боку лингов:

*А я, бум-бум, иду, бум-бум
И песенку пою.
О том, бум-бум, как тут, бум-бум
Слагаю жизнь мою.*

*И день, бум-бум, и ночь, бум-бум,
Я не смыкаю глаз.
Удар, бум-бум, второй, бум-бум,
Слагаю я рассказ.*

Сидевшие за столом уже дружно подпевали:

*Топор, бум-бум, и нож, бум-бум
Пускаю смело в ход.
Избу, бум-бум, забор, бум-бум
Слагает мой народ.*

*Направо – бум, налево – бум.
Куда ни брошу взгляд,
Растет, бум-бум, цветет, бум-бум
Слагает стены град...*

- Я тоже её знаю! – воскликнул Том. – И даже знаю, кто её сочинил!
- И кто же? – Пользуясь случаем, Валбур передал линги обратно Фелле.
- Мали-строитель!
- Мали-силач, – поправил Буллон.
- Ну да, а также борец и прочее, и прочее, – подхватил Биртон. – Некоторые до сих пор исповедуют его культ.
- Не вижу в этом ничего странного, – заметила Дэлсин. – Он многое умел и многому научил наших предков. Особенно строителей.
- Думаешь, такой Мали существовал на самом деле? – спросила Фелла, засовывая щипок обратно и поглаживая притихшие струны.
- А почему бы и нет?
- Он был великаном, – ответил за сестру Том. – У него была почти черная кожа. Он никогда не мылся. А волосы у него были как шерсть у барашков – кучерявые.
- Дэлсин пожала плечами.
- О героях принято судить по поступкам, а не по внешнему виду.
- Времена героев прошли, – сказала Эша, переглядываясь с Феллой.
- Говорят, какой-то герой объявился перед самой зимой в Пограничье, – напомнил Пент.

– Ты про того, который на глазах у всего туна будто бы один разогнал полчища дикарей? – переспросил брата Смирл.

– Если он такой герой, то почему никто про него ничего не знает? – покачала головой Эша. – Настоящие герои не бегают от славы и не боятся её.

Валбур посмотрел на Биртона. Тот понимающе улыбнулся.

В дверь громко постучали. Явно не рукой, а чем-то твердым.

– Именем замка, откройте! – крикнули с улицы.

Все озадаченно переглянулись.

– Это ещё что? – Буллон встал из-за стола и перешагнул через лавку. Эша ухватила мужа за рукав. – погоди, тут какая-то ошибка. Надо выяснить. Я наших знаю.

Он вышел в сени.

Том, почувствовав неладное, сполз под стол и затаился.

Фелла машинально перебирала струны и тихо что-то напевала, давая понять, что стук в дверь – не более чем досадное недоразумение.

Дэлсин ещё больше побледнела, хотя до сих пор это казалось невозможным. Когда из сеней раздался стук не одной, а нескольких пар кованых сапог, мужчины невольно поднялись.

Первым вошел Буллон. Вид он имел смущенный. Следом за ним по очереди прошли трое виггеров в сверкающих доспехах и выжидательно замерли посреди комнаты. Четвертым был их начальник, затянутый в кожаные латы. На правой стороне груди красовалась вышивка в виде перевернутого лепестка, который означал определенный чин. Какой именно, Валбур понятия не имел. Тем более что сейчас его больше занимала сутулая фигура того самого фра'нимана, которого он недавно имел удовольствие поколотить. Улмар, или как его уж там звали, прятался за спиной начальника и смотрел на присутствующих затравленным зверем. Половину его недовольной физиономии заливал пунцовый синяк. Увидев Валбура, который и не думал скрываться, он указал на него пальцем.

– Вот этот! Он на меня напал.

– Именем замка, ты арестован, – отчеканил начальник и сделал жест своим людям, которые исполнительно шагнули вперед и цепко схватили Валбура за руки.

Он не стал их стряхивать, не стал чинить новых беспорядков²⁰, просто стоял и осознал, что, очень может быть, видит Феллу в последний раз.

– Что все это значит? – первым нашелся Биртон. Остальные эдели совершенно не знали Валбура и потому справедливо сочли за благо промолчать – мало ли что. – По какому праву вы врываетесь в чужой дом и хватаете этого человека?

– Поступила жалоба, – ответил человек в коже. – Нападение на служителя замка. Есть свидетели.

– Они все врут! – послышался отчаянный крик из-под стола, и, опережая волну скатерти, наружу выбрался Том. – Это он на меня напал. А керл Валбур меня защитил. Пустите его!

Улмар состроил ехидную гримасу. И поморщился от боли.

Валбур заметил, как Дэлсин покосилась на братьев, и те подались вперед.

– Я вижу, здесь собрались приличные люди, – остановила их поднятая рука начальника. – Не думаю, что кто-нибудь из вас захочет помешать правосудию. Тем более что если в результате разбирательства выяснится, что ваш друг невиновен, никто насильно его удерживать не станет. – Он оглянулся на Буллона и понимающе кивнул. – Мы просто делаем свое дело.

– Лучше бы вы делали свое дело, когда этот фра'ниман обобрал меня на улице, – вырвалось у Феллы.

²⁰ Здесь и далее используется исконная русская орфография, в которой отсутствовала приставка «бес-». «БЕС-овство» появилось относительно недавно, после революции 1917 года, с подачи тов. Луначарского.

– Вот как? В самом деле? Вы обращались с ходатайством в замок по этому поводу?

– Она не обращалась, – прошамкал Улмар. Похоже, удар получился на славу, и теперь у него не хватало некоторых зубов. – Потому что ничего подобного не было. Она хотела избежать положенной оплаты.

Биртон успел схватить за плечи Тома, который чуть было ни набросился на лжеца.

– Он врёт! Врё... – Ладонь эделя закрыла кричащий рот.

– Мы разберёмся, – тихо сказал Биртон, но так, что Валбур тоже его услышал.

Его повели вон из комнаты, в сени. Улмар выскользнул на улицу первым и сразу где-то растворился. Крепкие руки стражей разжались, позволив накинуть верхнюю одежду.

– Я сам, – буркнул Валбур и пошел следом за деловито застегивающим на голове шлем начальником.

Как им не холодно ходить в такую стужу в этих железках, думал он, пока его вели неизвестно куда между погруженными во мрак и сон избами. Говорят, в прежние времена зимы не такими морозными были. Видать, с тех пор у них так и осталось заведено. Хотя, может, этим увальням и застужать-то нечего...

Последние слова Биртона и особенно поступок Феллы вселяли в него некоторую надежду. Хотя по большому счету удивляться не приходилось. День ведь не задался с самого утра. И про возможный приход виггеров он думал весь вечер после того, когда Том рассказал ему, с кем они связались. Фра'ниманы известны своей настойчивостью и обидчивостью. Далеко не все они подлецы, но этот Улмар отнюдь не исключенье. У них в туне ходили разные байки на этот счет. До сих пор ни один фра'ниман к ним воплотить не захаживал, однако после смены власти в замке, когда её захватили богатые торгаши, люди стали поговаривать, что того и гляди и в их края нагрянут за гафолом²¹. А за что им платить? Фолдиты у замка ничего не занимали, жили своим хозяйством, если что покупали, то на свои кровные, а брать в долг, как то теперь становится принято в Вайла'туне, считалось позорным. Да и было бы у кого брать: вокруг все такие же, как ты сам – в трудах да недоле.

– Куда идём, мужики? – спросил он темноту.

– Скоро увидишь.

– Нехорошо получилось: прям с гостей меня увели. Не по-людски.

– Не наше дело, – отрезал идущий впереди. – Нам велено – мы делаем.

– Хорошо, когда думать не надо, – усмехнулся Валбур.

– Язык-то попридержал бы! В такую ночь и оступить можно. Потом чего-нибудь не досчитаешься.

– Доходчиво. Молчу.

Если бы такие виггеры наведались к ним в тун, живым бы им оттуда не выйти. Фолдиты только с виду казались покорными и на всё согласными. Просто они понимали, что всегда лучше выждать, чем переть на рожон. Но никаких покушений на свою свободу не прощали. Упреки и наказания принимали исключительно от себе подобных, не уважая мнения пришлых и поставленных выше их не по заслугам, а по произволу. Как эдели наверняка подсмеивались над внешней простоватостью фолдитов, так и те в свою очередь собирали разные шутки и прибаутки о них, купивших себе титул за деньги и кичащихся им больше, чем делами отцов и собственными заслугами. Но до туна сейчас было недосыгаемо далеко, так что оставалось ждать и надеяться.

Они прошли той же дорогой, какой Валбур попал сюда, миновали таверну «У Старого замка», легко узнаваемую даже ночью своей простреленной вывеской, свернули несколько раз вправо, влево, прошли через неожиданно возникшую между домами брешь вроде площади, и, наконец, остановились перед отдельно стоящей избой, отличной от остальных изб отсутствием

²¹ Оброком

изгороди и вытянутой в длину формой. Обычно такими строили подсобные сараи, но их строили из досок, а здесь были тщательно подогнанные толстые бревна, придававшие дому ощущение надежности и прочности.

Каркер²², понял Валбур, хотя никогда раньше таких изб не видел. О них ему рассказывал Йорл, правда, по его словам, «каркерами» назывались надвратные домики в Стреляной Стене, куда в прежние времена засаживали на некоторое время редких нарушителей порядков или злостных неплательщиков гафола. Теперь для этих целей никаких надвратных домиков не хватало. Приходилось строить специальные места, перед входом в одно из которых он сейчас остановился, спокойно ожидая, что будет дальше.

А дальше его решительно подтолкнули внутрь, и он оказался в длинном, дурно пахнущем коридоре, все пространство которого освещалось всего двумя факелами – в начале и в конце. По обе стороны в коридор выходили обитые железом низкие двери с вырезанными на уровне живота окошками, запертыми снаружи на ржавые задвижки. Несмотря на поздний час, за дверьми кто-то шебаршился, а из-за некоторых доносились довольно громкие разговоры, сопровождавшиеся обиженными возгласами и руганью.

Навстречу гостям из ближайшей к входу комнаты с распахнутой настежь дверью вышел, позевывая, угрюмого вида детина, выпрямился, смерил Валбура оценивающим взглядом и уставился на начальника.

– Заселяй, – сказал тот. – А то ты тут, смотрю, совсем заскучал.

– За что взяли? – без интереса уточнил сторож.

– Драку учинил. Человека обидел.

– Буйный, значит? – Сторож широко зевнул и оскалился. – Таких у меня нынче большинство.

– Пусть поживет пока.

– Как прикажете.

Они пошли по коридору.

Валбур почувствовал опасность. «Поживет пока» должно было, наверное, означать, за какую дверь его сейчас определят: где никого нет, где сидит какой-нибудь замухрышка или в кампанию серьезных мужиков вроде утренних налетчиков. Последнее соседство было бы забавно, но не смешно.

– Стой.

Сторож сперва открыл задвижку, заглянул в окошко, убедился в том, что по ту сторону все спокойно, и только тогда отодвинул массивную щеколду на двери.

– Заходи.

Запахи коридора не шли ни в какое сравнение с теми, что встретили его в этой забытой всеми конуре. Нагнувшись, Валбур с трудом протиснулся в пространство, лишенное света и стен. Луч, следовавший было за ним снаружи, оборвался, когда дверь захлопнулась, и он оказался окончательно отрезанным от внешнего мира. Один ли?

Вытянув вперед руки, двинулся ощупью туда, где ему померещилось пустое место. По пути обо что-то споткнулся.

– Потихе тут, – сказал из тьмы недовольный голос. – Только засыпать начал...

– Прости, братец.

– Мой братец тебе в пасть не влезет, – огрызнулся невидимый собеседник.

За такие слова хотелось немедленно проучить наглеца, однако их, похоже, никто из посторонних не слышал, а значит, ответ за оскорбление остается на совести Валбура. У которого сейчас не было ни малейшего желания поднимать лишний шум.

²² Некое подобие тюрьмы

Нашупав плохо струганные бревна, присел, повернулся к стене спиной и вытянул ноги. Только что радовался в веселой кампании новых друзей за праздничным столом, и вот, пожалуйста – сидит на полу среди крошечного мрака и жуткой вони. Нечего сказать, достойный конец насыщенного дня!

Рядом зашевелились.

– Разбудил, тогда рассказывай, – продолжал после паузы голос. Он был хриплый и принадлежал, вероятно, старику.

– Что рассказывать?

– Как там, на воле?

– Ночь.

– Говорят, зима.

– В смысле?.. А, ну да, не без этого. А ты тут давно что ли сидишь?

Голос не ответил. Закашлялся. Валбур почувствовал на колене чужую цепкую руку. Перехватил худую кисть, оторвал от себя.

– Сильный. Ты высидишь, – с некоторой завистью сказал голос. – А мне помирать пора. Ща посплю и помру.

– Погоди помирать. Кто сам-то будешь?

– Уж и не помню толком.

– Не бреши.

– С мое посидишь, имя свое забудешь.

– И за что тебя?

– А тебя?

– Фра'ниману одному рожу помял.

– Всегда мечтал...

– А чего сделал-то?

– Я-то? – Старик снова замолчал. – Правду сказал.

Валбур уже успел задуматься о своем, когда до него дошел смысл последних слов.

– Вот как! Это что же такая за правда, за которую сюда без сроку сажают?

– Да уж какая есть. Вернее, была.

– Не поведаеть?

– Как-нибудь в другой раз.

– Так ты же помирать, вроде, собирался.

– Я-то? Ну, да... Только знаешь что? Если я тебе скажу, а они узнают, что я тебе сказал, то и тебя уже отсюда никуда не выпустят. Согласен?

Вопрос повис в темноте. Валбур уже был не рад, что поддержал беседу с этим сумасшедшим. Потому что нет такой правды, за которую лишают свободы. Есть правда, за которую лишают жизни. Но не свободы. Может, у дикарей так и принято, да только не здесь. Тэвил! Мысли от такой вони сами путаться начинают.

– Тебя тут что, и до ветра не выводят?

Старик молчал. Вероятно заснул. Валбур отчетливо представил себе, на что должен походить пол, особенно в углах, если кто-нибудь удосужится заглянуть сюда с факелом. Обвел руками вокруг себя, боясь наткнуться на что-нибудь мокрое или скользкое. Обнюхал пальцы. Вроде бы пока не вляпался. Решил сидеть смирно и ничего больше не трогать. Поспать бы, но разве ж теперь заснешь?

Он закрыл глаза, а когда открыл их снова, ему показалось, что в помещении стало светлее. То тут, то там в стенах и двери проглядывали узкие щели. Затеплилась надежда, что через какое-нибудь время привыкнет к мраку и сможет различить какие-нибудь предметы.

Прислушался к голосам. Только мужские. Ну, ещё бы! Женщины не достойны таких почестей. Их можно заставить расплачиваться разными другими, более приятными способами.

Подумалось о Фелле. Наверное, уже проводила гостей и ложится спать. Все-таки очень хорошо, что он её встретил. Даже если ему скоро придется погибнуть – жизнь прожита не зря. Даже если на память о нем у неё останутся лишь варежки да шапка. Хоть какая-то польза. Конечно, было бы лучше, если бы он не сплеховал и прикончил этого ублюдка Улмара, но ведь в тот момент он не знал, что к чему, а убивать людей – последнее дело. Хотя некоторых стоило бы. Если такие, как Улмар, захватят власть, простым вабонам мало не покажется. Целыми днями трудишься, не покладая рук, а потом приходит к тебе какой-то гадёныш и заявляет, что ты должен делиться. С кем? Почему? Разве тебе кто-то помогал? И разве тебе кто поможет, когда дикари будут жечь твой дом? Это раньше вот, когда Вайла'тун не был ещё таким большим, и гафол собирали со всех на нужды войска, чтобы оно защищало от дикарей, позволяя остальным спокойно трудиться, тогда понятно. Ну, так то времечко разве кто сегодня помнит? Деда, бывало, рассказывали, а отцы – уже с их слов...

Судя по тому, что его разбудили, он всё-таки умудрился заснуть. Лежа на боку, приоткрыл один глаз и увидел, да-да, света хватило, что в двери открыто окошко, и за ней в пламени факела щурится угрюмая физиономия сторожа. Пользуясь случаем, резко привстал и огляделся. В бегающих по стенам и полу отсветам различил, что комната совершенно пуста, если не считать лежащего почти точно посередине тела.

– Эй, ткни-ка его, – велел сторож.

Валбур на корточках приблизился к соседу и потряс за плечо. Плечо под пальцами было твердым и костлявым.

– Окочурился что ль? – спросил сторож.

– А ты огоньку поддай, – попросил Валбур и рывком перевернул лежащего на спине.

Это был не старик, а средних лет мужчина, только очень худой, изможденный и обросший. Веки опущены, как у спящего, рот, едва заметный среди зарослей усов и седеющей бороды, приоткрыт. Наклонился к самым губам, прислушался. Не дышит. Оглянулся на дверь.

– Похоже, помер, как обещал.

– Чего обещал? – не понял сторож.

– Да это я так, неважно. Кормить человека надо было.

– Кормить! Больно много вас, жопоротых. Жрать да гадить умеете. – С той стороны лязгнула щеколда. – Отойди-ка назад к стене, да смотри у меня, не озорничай.

Валбур послушно сделал, как велели. В приоткрывшуюся дверь протиснулся тот же мужик, что принимал его накануне. Только не зевал больше. Держа факел над головой, деловито присел возле трупа, потрогал лицо, шею и издал пронзительный свист. Почти сразу же за дверью выросла ещё одна фигура.

– Забираем. Отмучился.

Пока сторожа возились с его бывшим соседом, Валбур успел осмотреться. Как ни странно, пол оказался гораздо чище, чем он предполагал. Только в дальнем углу была навалена невысокая кучка дерьма. Вот и все, что остается после человека, подумал Валбур, удивленный тому, что дерьмо хоть и вонючее, но его уж больно мало для того, кто прожил тут не один день. Он осторожно поднялся на ноги, чтобы не привлекать внимания сторожей и заметил позади кучки отверстие в полу. Все встало на свои места: там было прорублено отхожее место, куда все отходы и сваливались. Поскольку во всех здешних комнатах, очевидно, проделывали одно и то же, под избой скопилось целое зловонное болото и запахи от него поднимались через те же дыры обратно...

– А ну-ка сядь, пока дверь ни закроем! – рявкнул главный из сторожей.

Он продолжал держать факел, а его помощник тем временем выволакивал тело за вытянутые, как в мольбе, руки. После этого он вытер рукавом щеку, будто смахивая несуществующую слезу, зачем-то погрозил Валбуру коротким пальцем и торопливо вышел.

Нахлынувшую тьму, словно молния, прорезала вспышка внезапной мысли: Тэвил, что я тут делаю?! Я же никого не убил, мой проступок нигде и никто не обсуждал, как то должно обычно делаться, вероятно, не только в тунах, где все на виду, но и здесь, где живут такие же люди, меня никто не наказывал – меня просто взяли и сунули сюда, где запросто умирают до срока состарившиеся мужчины, где вонь и голод в порядке вещей, где нет света, где нет ничего, к чему ты привык и что может позволить тебе оставаться человеком. И это не чья-то грубая шутка и не игра. Тут все по-настоящему. Дерьмо – настоящее. Трупы – настоящие. Безмозглые сторожа – настоящие. Как я сюда попал? И куда это – сюда? Разве кто-нибудь знает о существовании таких гостеприимных каркеров? Знают про мелочи, но не про это. Как такое можно было сокрыть? Если только... если только те, кому на роду выпало здесь оказаться, никому ничего не рассказывают. Потому что не могут. Потому что они... здесь остаются.

Валбур подскочил на месте и кинулся к двери. Не рассчитал. Больно ударился локтями и забарабанил кулаками по тихим бревнам.

– Откройте!! Слышите! Откройте сейчас же! Кто вам позволил? Тэвил! Открывайте сейчас же! Меня оболгали! Я не должен тут быть! Эй!! Вы слышите меня?

Его никто не слышал. А если и слышал, то невнятно, как он давеча, когда только очутился здесь и решил по простоте душевной, будто это не надолго. Да если бы он догадывался, как все обернется, он бы ещё по дороге сюда изловчился и свернул шеи тем воякам, которые вместо дела занимаются тем, что прислуживают разным ублюдкам недоношенным. Постеснялся! Думал, они невинны и просто выполняют свой долг. Ага, долг они выполняют! Перед кем может быть такой долг, чтобы невинных людей бросать в темницу и забывать про них? На день? На два? До следующей зимы. Мертвый старик спрашивал, что сейчас на дворе. Но ведь это могло и не означать, что он сидит тут так давно. Если его не кормили, он не видел света, кроме факела сторожа, не спал, мучаясь от постороннего несмолкающего шума, у него мог ум уйти за разум, и тогда уже не важно, сколько времени ты здесь сидишь. Важно – как ты здесь сидишь. Как животное в капкане или растение в земле? Тогда все дни у тебя сольются в один и ты не будешь знать, сколько их прошло. Тебя будет заботить мысль о том, сколько их осталось. Но и этого ты никогда не узнаешь, пока ни придет твой час, как пришел он к его недавнему соседу.

– Откройте!!!

Стало очень страшно. От страха он позабыл всё, потерял память, предал даже Феллу: он не вспоминал о ней, стуча кулаком в дверь и требуя в слезах, чтобы его выпустили.

А потом ему стало всё равно.

И это было ещё страшнее отчаяния.

Потому что живому человеку все равно быть не должно. Ни при каких обстоятельствах. Нельзя позволять, чтобы внешние силы взяли над тобой верх. Особенно те, о которых не догадываешься. Даже смутно.

Он сполз по стене на пол. Закрыв уши ладонями и сильно сжал голову. В ушах зашумело. Сразу вспомнилось, как они с отцом в его детстве первый раз приехали в Вайла'тун, где жила их какая-то дальняя родственница по отцовской линии, и ради интереса добрались до самого берега Бехемы. Они стояли на песке, к ногам подкатывались холодные волны, впереди бурлили торопливые воды, по небу носились птицы с белым оперением, дул сильный ветер, и вокруг стоял точно такой же несмолкаемый гул, от которого нельзя было нигде укрыться. Только бежать.

То, что с ним сейчас происходило, было несправедливо. Знали ли Биртон и остальные, куда его поведут, когда покорно отпустили вместе с охранниками, не только не оказав сопротивления, но даже намеком не выдав ему, что лучше спасаться бегством, чем глупо покорствовать? Что его ждет теперь? В туне с такими вещами не стали бы затягивать: собрали вече да решили всенародно, что он погорячился, или что он совершенно прав, и виновного нака-

зали бы. А здесь как? Кому мог пожаловаться этот Улмар? В замок? Едва ли он бы успел сбежать туда и вернуться с подмогой. Значит, кому-то ближе, кто тоже имеет право отдавать распоряжения тамошним виггерам. Раньше, кажется, за порядком в Вайла'туне следили конные воины – мерги. Теперь, похоже, их уже не хватает. Сперва пешие ребята пришли за остановленными им налетчиками на таверну, потом – за ним... Коней на всех явно не хватает. Кони в Вайла'туне – удовольствие дорогое. Власть в замке недавно переменялась, однако запрет на их разведение и ограничений на покупку никто не отменял. Вот и на весь их тун всего три лошади в общем пользовании, правда, одна из них кобыла, так что есть надежда на возможный приплод. Пока же ездили по очереди, испрашивая дозволения у Артаима. Последний раз повезло Фирчару. Где-то он теперь? Думает, небось, что он, Валбур, повстречал какую-нибудь бабёнку, вот и остался без предупреждения. Конечно, он был недалеко от истины, всё могло бы быть именно так, но не сложилось. Тэвил!

Вероятно, от отчаяния он все-таки заснул, потому что когда снова очнулся в вонючей комнате, окруженный непроглядной тьмой, в памяти осталась одинокая телега посреди заснеженного поля, а в ней несколько мужчин сурового вида и красивая длинноволосая женщина. Женщина спала, её тщетно пытались разбудить, а потом выяснилось, что она мертва.

Он не знал, как звали женщину, не знал её спутников, но ему почему-то казалось, что их жизни очень важны для него, нет, не только для него, для всего Вайла'туна. Ему снилось, будто он, сознавая это, бросается им на помощь, продирается через высоченные сугробы, кричит, зовет, однако его никто не слышит и не видит. Телега проезжает мимо, а он смотрим ей в след и удивляется, отчего это они решили ехать по снегу в ней, а не в обычных санях...

– Он тут? – спросил голос за дверью. Получив, вероятно утвердительный ответ, распорядился: – Отворяйте живее!

Валбур приподнял голову и уперся взглядом в приоткрывшееся окошко. Ему даже показалось, что он узнал пламя факела.

Дверь распахнулась.

Валбуру решил, что его специально хотят ослепить – так светло сделалось в его убогой обители. Сперва вошли двое. Потом внутрь шагнул третий.

Если подойдут поближе, я накинусь на них, шурясь, подумал он, и уже напрягся для отчаянного броска, когда факелы потускнели, а лицо, склонившееся над ним, оказалось лицом Биртона.

– Ты в порядке?

– Вам виднее... – Он ухватился за протянутую руку и тяжело встал. – Куда меня теперь поведут?

– Никуда, если не будешь больше делать глупостей, – сказал, выходя из-за спины Биртона второй гость, которым оказался его старый знакомый, торговец оружием и уважаемый эдель Ротрам.

– Глупость я пока сделал только одну, – буркнул Валбур, не находя в себе сил радоваться или огорчаться. Он смотрел на Биртона, который улыбался ему и подмигивал, причем так, чтобы не видел стоявший здесь же и почему-то больше не зевающий сторож.

Они не стали уточнять, что он имеет в виду.

– Произошло недоразумение, – пояснил Биртон. – Тебя приняли не за того и потому схватили. – Он снова подмигнул. – Но вита Ротрам не бросает в беде своих лучших бойцов. Собирайтесь тебе, похоже, не надо, так что пошли.

– Вот его шмотье, – сказал сторож, протягивая Биртону шубу и шапку Валбура.

А он и не помнил, чтобы снимал их, когда попал сюда. Обратил внимание, что сторож не бросил их на пол, как мог бы, и не отдал ему в руки, а передал через Биртона. Видать, боялся рассердить двух эделей, но при этом не хватило совести обратиться с ним, как с человеком, а не как с бывшим заключенным. Да и с бывшим ли? Сейчас он уже ничему не верил на слово

и готов был вздохнуть с облегчением лишь тогда, когда окажется у себя дома, на теплой печи. Потому что только теперь почувствовал, как замерз.

Пока его выводили из барака на улицу, все, не сговариваясь, хранили молчание.

На улице ничего как будто не изменилась. Всё та же зима, всё та же ночь.

– Сюда, – сказал Биртон, тронув Валбура за плечо. – Видишь сани?

Действительно, сани стояли на углу соседней избы и явно ждали их. Когда они по очереди забрались внутрь и расселись на мягких шкурах, возница, ни о чём не спрашивая, молча тронул. Он знал, куда их вести.

– Похоже, наш друг от радости потерял дар речи, – усмехнулся Ротрам. – Ладно, маго²³ Валбур, поблагодарите нас в другой раз.

– Отчего же, вита Ротрам? Я вам и Биртону очень даже признателен! Вы представить себе не можете, откуда вы только что меня вытащили. Я думал, мне конец.

– Биртон поведал мне о том, как все произошло, и я не мог не вмешаться. – На сей раз улыбка на лице Ротрама выглядела добродушной и как будто искренней. – Пришлось использовать кое-какие связи, но ради хорошего человека чего ни сделаешь. Тем более что все эти фразиманы у меня ещё с юности в печёнках сидят. Так что мы рады были помочь.

– Сколько я там пробыл?

– Когда тебя увели, я не мешкая отправился за подмогой, – сказал Биртон, поглаживая перчаткой пряди своих длинных волос, выбивающиеся из-под высокой меховой шапки, какие любили носить богатые ремесленники. – Вита Ротрам, сразу согласился посодействовать, мы кое-куда съездили, решили все необходимые вопросы и вот, пожалуйста, ты на свободе.

– Хотите сказать, ещё и дня не прошло? – недоверчиво усомнился Валбур.

– Ещё и утро не наступило.

– Время – штука подлая, – вздохнул Ротрам, заметив на лице собеседника целую гамму чувств – от изумления до гнева. – Но, как говорили умные герои, все хорошо, что хорошо кончается.

Валбур понятия не имел, где они едут. Его била холодная дрожь, и ему казалось, что он забыл надеть шубу. Нет, отцовский тулуп был на месте, шапка тоже. Не на месте была только душа, слишком много пережившая с прошлого вечера и рвущаяся наперегонки с лошады, причем в другую сторону.

– Куда вы меня везёте? – нашёл он, наконец, в себе силы задать вопрос, ответ на который знал заранее.

Биртон посмотрел на Ротрама. Ротрам выдержал необходимую паузу. Когда же он заговорил, голос у него звучал твердо и деловито.

– Если бы вы могли понюхать себя со стороны, то поняли бы, что первым делом вам нужна хорошая баня. Если только вы не намерены использовать запах как оружие.

– Вы имеете в виду «кровь героев»?

– Я имею в виду, что человек, которые умеет драться не хуже, чем слагать песни, должен нравиться и мужчинам, и женщинам, а для этого от него не должно вонять, как от обдриставшей свиньи.

Наверное, то была веселая шутка, потому что оба спутника расхохотались.

– Эта вонь напоминает мне о человеке, который умер сегодня ночью, – тихо сказал Валбур. – Я не знаю, сколько времени он провел в том каркере и за что его туда упекли, но он даже там не потерял человеческого облика.

– Извини, – хмыкнул Ротрам, а Биртон положил Валбуру руку на плечо, словно давая понять, что никакого запаха не замечает. – Биртон мне сказал, что вы вступились за Феллу.

²³ Вежливое обращение к более молодому, но достойному уважения собеседнику

Это имя вернуло Валбура к жизни. Как он мог забыть о ней! Теперь, когда он опять на свободе благодаря своим новым друзьям, она снова стала для него самой желанной женщиной на свете.

– Не за неё, а за её брата, Тома. Вы их тоже знаете?

– Она иногда бывает у меня. – Слова звучали буднично, однако нельзя было не заметить, что Ротрам произносит их с определенной гордостью, если не сказать тщеславием. – Я знал её отца. Настоящий был виггер. Теперь таких мало. А бедной девочке нужно на что-то жить. Так что при случае я её приглашаю развлечь моих гостей. Вы, кажется, уже слышали, как она поет? Прелесть! А как она танцует! Я с удовольствием плачу ей больше, чем заплатил бы любой другой.

– Она – не любая другая, – почти обиделся Валбур.

– Совершенно, верно. Фелла может далеко пойти, если её поддержать...

Было понятно, что Ротрам завел весь этот разговор для того, чтобы настроить собеседника на нужный лад. Валбур поддался. Он был отчасти даже рад поддаться. Фелла! От ужаса за свою жизнь он позволил себе позабыть о ней. Но сейчас может так случиться, что он снова увидит её, причем, вероятно, скоро. Ротрам добился своего: душа перестала рваться прочь и вернулась в тяжело вздымающуюся под шубой грудь.

– ... если её поддержать, как и вас, – закончил Ротрам.

Валбур хотел было ответить, что не нуждается в поддержке да к счастью вовремя сообразил, как глупо это сейчас прозвучит. Промолчал. Это он-то не нуждается в поддержке? Спал бы сейчас в дерьме без еды и воды, если бы не эти двое. Они, разумеется, преследуют свои цели, но разве их цели противоречат тому, что хочет он? А он больше всего на свете хочет спросить у Феллы, нравятся ли ей его рукавички. Нет, не спросить, а просто увидеть, что она их надевает и носит, и они её греют, её руки, её длинные пальцы...

Биртон похлопал его по плечу. Тем самым давал понять, что он правильно делает, что больше не сопротивляется. Они уломали его. Каркер уломал его. Варежки и Том уломали его. Какая теперь разница! Они не сделали ему ничего плохого, они позаботились о нём, когда он оказался в беде, и теперь он может им отплатить благодарностью.

Он не хотел спать, а, узнав, что, оказывается, протомился в страшных застенках всего часть ночи, расхотел и есть. Молча смотрел на скользящие мимо избы, на темные окна, закрытые ставнями, на редкие факелы, которые, говорят, зажигают здесь только зимой, поскольку в другое время местные жители боятся пожаров, провожал взглядом одиноких прохожих, уступавших дорогу их саням, и всё думал, думал...

– Утром я зайду к Фелле и предупрежу, что все обошлось, – негромко сказал Биртон, обращаясь к Ротраму. – Том переживает. Наш друг произвел на него неизгладимое впечатление.

– Могу себе представить, – откашлялся в кулак торговец. – Редко можно найти бойца, который не машет руками, а превращает каждый удар в последний. Быстрота и точность – вот что важно и что я всегда ищу в героях.

– Уж мне ли не знать.

– Послушайте, – повернулся Ротрам к Валбуру, – я всё хотел вас спросить. Где вы научились так драться?

– Вы уже спрашивали. В таверне.

– В самом деле? И что же вы тогда ответили? Или не ответили?

– Я не ответил, что таким меня родила мать и воспитал отец, вита Ротрам. Хотите верьте, хотите нет, но я никогда не учился этому ремеслу. У нас между тунами бывают иногда шуточные стычки, но это – возможность испытать себя и свой загривок, а не научиться. И уж если быть с вами честным до конца, то меня там изрядно поколачивают.

– Вот как? Наверное, ты тоже не остаешься в долгу? – Ротрам незаметно ткнул Биртона локтем в бок.

– Когда как. Вообще-то я драться не слишком люблю.

– Но тогда мне тем более непонятно, как же у тебя это так лихо получается!

– Просто я вижу, что сейчас последует и довольно редко ошибаюсь. Остается только быть точным в ответных движениях.

– А мне показалось, что тем парням в таверне ты не дал ни малейшей возможности тебя ударить.

– Они просто не успели, – предположил Валбур. – Если бы мы бились один на один, я бы выждал. А тут нужно было спасать Ниду.

– Ты её знаешь?

– Кого? Ниду? Нет, она со мной после познакомилась.

– Скоро женщины вообще не будут давать тебе прохода, – пошутил Ротрам, не заметив, как потемнело лицо собеседника. – А оружием ты каким-нибудь владеешь?

– Думаю, что нет.

– Что значит «думаю, что нет»?

– Ну, из лука я время от времени стреляю, когда на охоту хожу, а вот так, чтобы мечом или там, не знаю, топором рубиться с кем-нибудь, этого мне не доводилось.

– Понятно. Подучим. – Ротрам снова повернулся к Биртону. – Это ж надо, голыми руками обезоружить троих вооруженных молодчиков да ещё им шкуру не попортить! Думаю, окажись на месте нашего друга свер или просто кто из местных удалцов, они бы им первым делом кишки выпустили, а уж потом стали думать, почему так произошло.

– Я до сих пор жалею, что не разделался с тем беззубым фра'ниманом, Улмаром, или как там его...

– И очень хорошо, что не разделался, – встрепенулся Биртон. – Если бы ты ему не синяк на пол-лица поставил, а свернул челюсть или ещё чего хуже натворил, мы бы сейчас с тобой не разговаривали. Фра'ниманов мало кто любит, но трогать их – себе дороже.

– Вот они и обнаглели вконец.

– Бывает. Но на них всегда можно найти управу.

– Всегда? А Том рассказывал, как он однажды обобрал Феллу?

– Том горазд сказки сочинять. – Биртон потянулся вперед и похлопал возницу по круглой спине. – Я эту историю слышал, но даже сама Фелла её не подтвердила.

Сани остановились.

– Я сойду здесь, – сказал Биртон и соскочил в снег. – Теперь, надеюсь, мы будем соседями. До завтра, Ротрам.

– Уже до сегодня.

– Как договорились, подойду к обеду.

Он махнул им на прощанье рукой и скрылся за ближайшей калиткой. Валбур заметил в глубине двора на фоне темно-серого неба несколько почти плоских крыш и одну острую. Судя по всему, за забором скрывалось немалое хозяйство. Вот бы посмотреть, как на самом деле живут эти эдели. Кто знает, может, когда-нибудь и получится. Собственно, рядом с ним по-прежнему сидел один из них и никуда выходить не торопился.

– Куда мы едем? – поинтересовался Валбур.

– А вы, я смотрю, тоже не блещите разнообразием в вопросах, – рассмеялся Ротрам. – Надеюсь, поздняя банька не помешает вам как следует выспаться. Мы едем ко мне. Ну, скажем так, почти ко мне.

Голова совсем не варит, подумал Валбур. Действительно, я ведь уже спрашивал его об этом. Что ж, помыться после каркера совсем не помешает. Интересно разве что узнать, «почти ко мне» – это все-таки к нему или ещё куда-то? В сознании вчерашнего фолдита пока

не укладывалось, что человеку может принадлежать не только то место, где он живёт. Однако он уже чувствовал, что меняется. По крайней мере, он перестал упорствовать и сопротивляться происходящим в нём переменам. Теперь он был даже рад тому, что всё так в конце концов обернулось. Быть может, завтра он снова увидится с Феллой.

– Здесь что ли? – оглянулся возница. Сани встали.

Ротрам бросил взгляд по сторонам, вложил в подставленную ладонь несколько обещанных монет и подтолкнул Валбура, мол, вылезай, братец.

Такого дома тот ещё не видел.

Трёхъярусный, огромный, с раскидистой крышей, словно шапкой, великой для головы, с не просто резными наличниками, а причудливо расцвеченными, что бросалось в глаза даже при свете факелов, полыхавших на макушках столбов высокого, выше человеческого роста забора, с витиеватыми колоннами, подпиравшими причудливые выступы на верхнем этаже, на которые, похоже, можно было выйти, чтобы оттуда обозревать в свое удовольствие окрестности, с высокой, обитой железом печной трубой, да не одной, а целыми тремя, если не больше, с двумя пристройками по бокам, двухэтажными, хотя и не столь вычурно расписанными, поскромнее, и с надвратным домиком, из которого сейчас за ними внимательно наблюдал зорко бдящий страж.

Вероятно, именно он привел в действие какой-то механизм, потому что створка ворот подалась наружу сама собой – за ней никого не было.

Валбур хотел было что-то сказать, но только смотрел на Ротрама, а тот сам все понял, привык, должно быть, и лишь кивнул сторожу. Он пропустил гостя вперед, пошел рядом по очищенной от снега дорожке к дому и сразу же прочитал короткое наставление.

– Я живу вон там, наверху. Внизу, почти во весь этаж, зала, где удобно упражняться и где ты с утра и приступишь к занятиям. Баня и все прочие радости жизни – в избе слева. А ночевать будешь вон в той, справа.

– Понятно.

Как ни был Валбур обезкуражен открывшимся перед ним хоромами и предвкушением новых ощущений, от его внимания не ускользнуло, что с этого момента Ротрам перешел с ним на ты. Что ж, давно следовало это ожидать. Так даже проще. Он ведь всего лишь фолдит. А теперь ещё и боец. Грязный, вонючий и усталый.

– Это наша Тиса, – заговорчески понизил голос Ротрам и указал на фигуру, спешащую к ним навстречу из темноты главной избы. Фигура была невысокая, двигалась плавно и стремительно. Когда она остановилась перед мужчинами, на Валбура из-под платка, обвязавшего голову и спадавшего на спину и грудь, посмотрели два любопытных глаза. – Она покажет тебе, где тут у нас что находится, и позаботится, чтобы у тебя было все необходимое. А гостя нашего зовут Валбур. Надеюсь, мы тебя не разбудили? – Он игриво обнял девушку за плечо и добавил: – Не ссорьтесь. А я вас покину до утра. Нужно ещё успеть кое-что сделать да и поспать бы не помешало.

– Это тебя в каркер засадили? – первым делом поинтересовалась Тиса, проводив хозяина долгим взглядом и теперь всецело обратив свое живое внимание на Валбура. – Ой, фу-у... можешь не отвечать! Идем скорее.

Он поспешил следом за ней, чувствуя себя как всегда рядом с женщиной – слишком большим, медленным неуклюжим. Нагнав, спросил о том, что напрашивалось:

– А откуда тебе про каркер известно, красавица?

– А откуда тебе известно, что я красавица?

Она снова зыркнула на него из-под платка, и Валбур ощутил приятный жар в животе и холод в голове. Озорная, однако! Вот уж точно кто-то мудро заметил: из огня да в полымя. Не успел влюбиться, как попал под замок, не успел выйти на волю, вот тебе опять соблазн сладкий! Может, пора уже привыкать? Как там говорил Йорл в подобных случаях? Чем от туна

дальше, тем больше фальши? Только теперь Валбуру до конца сделались понятны эти слова: не увлекайся свободой, она не настоящая. Что ж, поживём увидим, подумал он, поглядывая на фигурку в платке. Пока всё выглядит очень даже правдоподобно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.